847 No 82

ДѢЙСТВІЯ ДРУЖБЫ,

переведены

съ

французскаго языка.

Печатаны при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ
1764. года.

ДѢЙСТВІЯ ДРУЖБЫ.

* * *

Всѣ люди знаютъ, что дружба есть союзъ, основанїе и подпора гражданскаго общества; знаютъ, что она есть такое движенїе, которое побуждаетъ другъ друга охранять, другъ другу помогать, другъ другу служить, и то безъ всякаго намѣренїя, кромѣ собственнаго удовольствїя въ сихъ дѣлахъ. Однакожъ нѣтъ ничего рѣжѣ

истиннаго друга, и нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ почитать и называть человѣка другомъ. Дружба въ нынѣшнія времена, есть только простое нарѣчіе, составъ прелестныхъ словъ, которыя самолюбіе произноситъ, для изъявленія того, что мы чувствуемъ, дабы тѣмъ и другаго понудить тоже почувствовать. Называемся друзьями, дабы приобрѣсть друзей, а однакожъ для сохраненія приобрѣтеннаго сердца ничего не дѣлаемъ.

Предъ симъ нещастливые въ страданіяхъ своихъ и злополучіяхъ, находили жалостныя сердца, и помощныя руки. Много и нынѣ нещастливыхъ, но нѣтъ уже друзей; каждой хвастаетъ быть другомъ, каждой хвастаетъ знать должности дружбы, но никто не старается ихъ исполнять. И такъ поищемъ въ древности примѣра, которой бы въ состояніи былъ возбудить въ насъ

толь

толь нужное роду человѣческому движенїе. И понеже человѣкъ еще таковъ же, каковъ былъ прежде, то докажемъ, что онъ и нынѣ тоже дѣлать можетъ, что прежде сего дѣлать былъ въ состоянїи.

Публїй Кпинтъ Фулцїй, знатной Римлянинъ, которой посреди двора Августа Императора сохранялъ древнюю вольность республики, былъ любимъ какъ большими, такъ и малыми. Онъ имѣлъ одного сына и дочь, кои не меньше по добродѣтелямъ своимъ, какъ и по крови были ему любезны. Титъ и Фулвїя, достигнувъ до разумныхъ лѣтъ, показывали въ себѣ все то, что естество, разумъ и красота прїятнаго въ себѣ имѣютъ. Фулвїя, какъ Римлянка, воспитанная отъ добродѣтельной матери, была утѣшенїемъ отца своего, а Титъ часто подавалъ ему случай благодарить бога за его рожденїе. А дабы его еще совершен-

нѣе здѣлать, и столько же население почтенія въ немъ къ своему отечеству, сколько онъ имѣлъ, то послалъ его въ Аѳины учиться у славнаго Аристиппа. Но какъ онъ еще былъ очень молодъ, и самъ собою управлять не могъ, то поручилъ его смотренію Кремеса, добродѣтельнаго и почтеннаго Грека, съ которымъ въ путешествіяхъ своихъ въ Грецію утверждалъ тѣсную дружбу. При отъѣздѣ Фулвіи, приказалъ Титу почитать Кремеса, какъ втораго отца, и съ дѣтьми его жить такъ какъ съ своими братьями. Молодой Римлянинъ привыкши къ повиновенію, поѣхалъ въ Аѳины съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ наистрожайше волю отца своего исполнить. Мудрой Грекъ принялъ его такъ что онъ въ намѣреніи своемъ еще болѣе утвердился; но преизрядныя свойства молодаго Гизиппа, сына его, еще болѣе его къ тому влекли.

Никогда не бывала дружба толь скора, и толь тверда, какову они въ первой мигъ въ сердцахъ своихъ другъ къ другу почувствовали. Молодымъ Римляниномъ восхищенный Гизиппъ думалъ, что ничего въ Грецїи нѣтъ ему подобнаго, а Титъ чаялъ, что нѣтъ въ Римѣ ни одного мущины, которой бы Гизиппу во всемъ не уступалъ. Толь полезное предразсужденїе одного о другомъ весьма скоро произвело почитанїе и дружбу. Они полюбили другъ друга, и клялись другъ другу вѣчною дружбою. Кремесъ, присутствуя при семъ первомъ свиданїи, и не смотря на отсутствїе и отдаленїе Фулвїево, еще искренне его любя, весьма обрадовался, увидя движенїя въ Титѣ и Гизиппѣ толь сходственны съ своими, далъ знать имъ о томъ свое удовольствїе, и заклялъ ихъ, чтобъ они никогда не прерывали сего прекраснаго союза.

Сіи новые друзья увѣрили его въ томъ и предписали себѣ пріятнымъ закономъ, чтобъ соглашаться его намѣреніямъ. Съ сего дня стали они не разлучны, и какъ воля одного, была воля другова, то ни одинъ ничего не дѣлалъ, о чемъ бы не увѣдомилъ другова. Увеселенія, упражненія, знакомства, бесѣды, забавы, досады, все дѣлали вмѣстѣ. Кто Гизипповой хотѣлъ любви, тотъ долженъ былъ любить Тита, а Титу тотъ отнюдъ не нравился, кто не любилъ Гизиппа. И само щастіе соглашалось ихъ намѣренію, по которому они одинъ безъ другова ничего дѣлать не хотѣли. Еще до Титова приѣзда въ Аѳины, избралъ Кремесъ Аристиппа учителемъ своему сыну, и радость сихъ молодыхъ друзей тѣмъ наипаче умножилась, когда они узнали, что и при важныхъ упражненіяхъ своихъ будутъ они неразлучны. Аристиппъ обрѣлъ въ двухъ ученикахъ своихъ

такія изрядныя свойства, что на ученіе ихъ употреблялъ всю свою прилѣжность; и какъ Греки чрезвычайное почтеніе имѣютъ къ тѣмъ, которые никогда не преступаютъ законовъ дружбы, то Аристиппъ почиталъ себѣ за честь подкрѣплять Титову и Гизиппову склонность, простирая главныя наставленія свои на должности двухъ истинныхъ друзей. Ученіемъ его такъ они пользовались, что всѣ Аѳины имъ удивлялися.

Во всѣхъ домахъ представляли ихъ примѣромъ, и каждой желалъ, чтобъ его сыновья, братья или сродники обхожденіемъ ихъ пользоваться могли. Не меньше прославились они и въ Наукахъ, а особливо въ Философіи, въ которой Аристиппъ ихъ наиприлѣжнѣйше обучалъ. На конецъ здѣлались ихъ имена знатными, и начали возбуждать зависть въ тѣхъ, кои имъ подражать не могли. Въ самое то время Кремесъ, Гизипповъ

отецъ занемогъ, и къ несказанной горести обѣихъ друзей, умеръ. Великое имѣнїе, которое онъ сыну своему оставилъ, не могло его долгое время утѣшить о семъ лишенїи; одна только любовь къ Титу принудила его умѣрить печаль свою, ибо сей другъ такое чувствительное въ ней принималъ участїе, что всякой, увидя его, почелъ бы, что и онъ отца лишился. Печаль сихъ двухъ друзей чувствительна была всему городу, и всякой старался оную прогнать разными веселостьми; а какъ Аристиппъ былъ не такой суровой и строгой Философъ, которые въ отверженїи и наинеповиннѣйшихъ забавъ премудрости ищутъ, то не хотѣлъ онъ быть послѣднимъ утѣшителемъ учениковъ своихъ. Онъ зналъ, что для прогнанїя тоски ничто такъ не удобно, какъ прїятная бесѣда, и что онъ въ домѣ своемъ имѣетъ такое сокровище, которое можетъ истребить

бить печальныя мысли, чего ради намѣрился тѣмъ развеселить сихъ двухъ друзей. Аристиппъ былъ вдовъ, и не имѣлъ дѣтей, кромѣ одной дочери, въ коей наидрагоцѣннѣйшїя дарованїя совокуплены были. Чрезвычайная красота ея еще далеко не сравнивалась съ ея душевными качествами; и ея отецъ, съ сáмаго младенчества ея познавъ оныя, столько приложилъ труда, влїянемъ вышней премудрости ихъ совершенными здѣлать, что она тогда на семнатцатомъ году̀ ужѐ чудомъ науки и добродѣтели слыла. Сїю прекрасную дѣвицу звали Софронїею, и жилà она въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аѳинъ въ деревнѣ, гдѣ Аристиппъ часто отъ трудовъ своихъ имѣлъ отдохновенїе; и въ семъ покойномъ и прїятномъ мѣстѣ наслаждался рѣдкими добродѣтелями любезной дочери своей, украшенной тѣмъ свободнымъ и прїятнымъ поступкомъ, которой почти никогда съ ученостїю

стїю вмѣстѣ не бываетъ, и которой однакожъ только одинъ сїянїе ея можетъ сноснымъ здѣлать.

Софронїя была прекрасна, добродѣтельна, учена, и Философка, а однакожъ и жалостлива, униженна и кротости исполненна. Довольна была своею наукою; никогда оною преимущества предъ другими не искала, но ограниченїемъ себя часто употребляла оную для возвышенїя другихъ. Изъ любви къ ученїю предпочла она неповинное деревенское житїе городскому беспокойству, и прiѣжжала въ Аѳины только въ торжественные дни, когда ей того миновать было не можно. Но какъ Аристиппъ не намѣренъ былъ лишить ея тѣхъ веселостей, кои юности сродными быть казались, то познакомилъ ея съ знатнѣйшими Аѳинскими госпожами, которыя попеременно ея посѣщали, и иногда привозили съ собою самыхъ ученыхъ

Гре-

Грековъ, которые съ сею ученою дѣвицею разговаривать не стыдились. Такïе разговоры не оставались въ забвенïи; каждой старался пересказать ихъ тѣмъ, кои ихъ не слыхали, и прекрасная Софронïя стала весьма скоро у всѣхъ Аѳинскихъ жителей въ удивленïи и въ похвалѣ. Хотя она съ не многими обходилась, однакожъ по славѣ ея многïе себѣ въ замужство ея желали. Аристиппъ не хотя ея принудить, желалъ и самъ, чтобъ она избрала себѣ супруга; но видя, что ни отвращенïя ея ко всѣмъ молодымъ людямъ преодолѣть, ниже склонить ея можетъ ихъ до себя допускать, принужденъ былъ всѣмъ тѣмъ отказывать, которые получить ея надѣяться могли.

Въ сïе то время прïѣхалъ Титъ въ Аѳины, и вмѣстѣ съ Гизиппомъ здѣлался его ученикомъ. Достоинства ихъ и успѣхъ въ Наукахъ часто подавали Аристиппу случай говорить

обѣ нихъ съ своею дочерїю. Совершенное сихъ двухъ друзей согласїе, о которомъ онъ безпрестанно ей твердилъ, возбудило въ ней хорошее обѣ нихъ мнѣнїе, увѣряя ея, что при такой основательной дружбѣ, не могутъ они имѣть свойственныхъ пороковъ, юности которая почти всегда непостоянна, легкомысленна и вѣтренна, которая не знаетъ иныхъ удовольствїй, какъ въ премѣненїи предметовъ, и наималѣйшимъ благопристойностяхъ, коихъ вѣжливое обхожденїе требуетъ, подвергнуть себѣ не можетъ; по томъ по Аристиппову описанїю ихъ прекрасныхъ свойствъ нрава, добродѣтельныхъ мыслей, и благородныхъ чувствїй, возбудилось въ ней любопытство, которое скоро принудило ея отцу своему признаться, чтобы она съ удовольствїемъ ихъ у себя видѣла.

Симъ признанїемъ весьма обрадованный Аристиппъ, надѣясь, что

Гизиппъ, коего богатство ему было извѣстно, плѣнилъ сердце прекрасной его дочери, намѣрился было его къ ней привести, но Кремесова смерть воспрепятствовала на нѣсколько времени его намѣренїю. А какъ пришло то время, которое первой печали посвятить было должно, и онъ усмотрѣлъ, что Гизиппова и Титова печаль обратилась въ задумчивость, то для извлеченїя ихъ изъ оной, почелъ онъ за надежнѣйшее средство прїятную бесѣду, которая бы и увеселенїе и достойное склонности ихъ упражненїе имъ произвести могла; а какъ отечество въ сердцахъ человѣческихъ всегда нѣкоторое преимущество имѣетъ, то и открылъ онъ напередъ Гизиппу, что Софронїя желаетъ съ ними познакомиться.

Молодой Грекъ часто ужѐ слыхалъ похвалу о сей ученой дѣвицѣ, и его сердце чувствовало ужѐ къ ней

тайное почтенїе; но зная, что ученику отъ учителя своего ничего требовать не должно, и вѣдая сверьхъ того, что никакой мущина въ его мѣстѣ не имѣлъ позволенїя къ ней ходить, слушалъ объ ней только, не показывая ни малѣйшаго любопытства. Приѣздъ Титовъ, дружба ихъ, и великая къ ученїю прилѣжность привели ему со всѣмъ въ забвенїе распространившуюся о Софронїи славу. Но какъ скоро Аристиппъ ему обьявилъ, что хочетъ показать ему такую честь, въ которой знатнѣйшимъ молодымъ Аѳинянамъ отказывалъ, то возобновились паки прежнїя его воображенїя, и принялъ сїе предпочтенїе съ такую чрезвычайною радостїю, которой преодолѣть не могъ, и которую однакожъ почиталъ только за дѣйствїе того преимущества, коимъ Аристиппова дружба его почтила.

А какъ онъ не могъ вкушать никакого истиннаго удовольствїя, естьли

естьли онаго не раздѣлялъ съ Титомъ, то просилъ Аристиппа, чтобъ и его онъ взялъ съ собою. Аристиппъ тѣмъ охотнѣе на то согласился, что и безъ того ужѐ сїе намѣренїе имѣлъ, а только изъ естественной склонности напередъ Греку о томъ далъ знать. Особливое почтенїе, которое онъ имѣлъ къ Титу, не позволяло ему разлучить его съ Гизиппомъ въ такомъ случаѣ, при которомъ оное ему доказать могъ, а особливо почитая себѣ за славу представить глазамъ Римлянина такую дѣвицу, которая не только съ Римскими красавицами сравнена быть, но и превзойти ихъ могла; для того обнадежилъ Гизиппа, что Софронїя рада будетъ видѣть Тита, и сказалъ, чтобъ онъ завтра къ ней ѣхать готовился. Гизиппъ былъ вспыльчивъ, горячь, честолюбивъ, не премѣненъ въ своихъ намѣренїяхъ, а въ принятїи ихъ безразсуденъ и скоръ; его тем-

пераментъ, къ забавамъ склонной, дѣлалъ его любителемъ новости во всѣхъ дѣлахъ, хотя на оные взиралъ равнодушно; а считая и знакомство съ Софронїею въ числѣ оныхъ, а желанїе видѣть учоную дѣвицу, почитая только за побужденїе своего любопытства, разстался съ Аристиппомъ въ великой нетерпѣливости, чтобъ скоряе увѣдомить Тита о такомъ приключенїи, которое толь прїятнымъ себѣ воображалъ. Побѣжалъ его искать, и нашедъ одного въ саду, подошелъ къ нему съ веселымъ лицемъ, чемъ сего молодаго Римлянина вѣрить заставилъ, что ему конечно нѣчто весьма прїятное приключилось, ибо по Кремесовой кончинѣ, онъ еще никогда его такова не видалъ.

Какую радостную вѣсть принесъ ты мнѣ, любезной Гизиппъ, говорилъ онъ ему? Щастливая перемѣна, которую я въ тебѣ вижу, пред-

предвѣщаетъ мнѣ много добраго, и я ласкаю себя, что ты видѣвъ, какое участїе я имѣлъ въ твоей печали, не отречешся и радости своей раздѣлить со мною. Конечно не отрекусь, отвѣчалъ Гизиппъ, и съ тѣмъ только намѣренїемъ прерываю твое уединенїе. Знай, дражайшїй Титъ, продолжалъ онъ съ великою радостїю, что Аристиппъ намъ сего дня особливой знакъ даетъ своего почтенїя, за которое мы довольно отблагодарить ему не въ состоянїи. Для тебя какъ для иностранца, а для меня какъ для земляка, оставляетъ онъ противъ всѣхъ наблюдаемую понынѣ строгость, хочетъ познакомить насъ съ своею безпримѣрною дочерїю, и завтра насъ къ ней вести намѣренъ, признаваясь, что сей знакъ дружбы его мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ меньше того я отъ него ожидалъ, ибо я зналъ, сколь труденъ былъ ему выборъ тѣхъ, которыхъ онъ вводилъ

въ домъ свой. Однимъ словомъ, дражайшїй Титъ, мы увидимъ чудо Грецїи, увидимъ ту дѣвицу, которая, какъ слухъ носится, при безпримѣрной красотѣ весьма учена, и остроумна. Не согласишся ли ты со мною, что сего радостнѣе ничто быть не можетъ?

Едва Гизиппъ открылъ причину своей радости, то Титъ почувствовалъ чрезвычайное безпокойство, не зная для чего объяла его несносная тоска, мысли его со всѣмъ противны были мыслямъ Гизипповымъ, и все сїе приключенїе представляли ему весьма въ иномъ образѣ. Онъ отъ природы былъ не веселаго и постояннаго нрава, и не подумавши ничего не предпринималъ; надобно было важнымъ причинамъ принудить его вдругъ къ чему ни будь намѣриться; и никогда не входилъ онъ ни въ какую забаву, пока не разсмотрѣлъ, не можетъ ли въ ней быть

быть какой скрытой опасности. При сихъ движенїяхъ, и при тѣхъ, которыя тайно въ сердцѣ его происходили, казался онъ изумленъ, что Гизиппъ, которой еще чувствовалъ кончину отца своего, могъ найти радость и утѣшенїе въ знакомствѣ незнакомой ему особы, а особливо женщины, которая вмѣсто удовольствїя прелестьми своими, мученїя ему произвести можетъ. Углубясь въ сихъ разсужденїяхъ, не отвѣчалъ онъ ничего своему другу, а только смотрѣлъ на него съ такимъ удивленїемъ, которымъ пристыдить его думалъ.

Но молодой Грекъ послѣдовалъ вспыльчивому своему сложенїю. Что это Титъ? сказалъ ему усмѣхаясь, ты ничего не отвѣчаешь? Или тебѣ противна Софронїя; научитъ ли тебя Фолософїя, чтобъ ты не навидѣлъ тѣхъ, кого не знаешь? Нѣтъ, отвѣчалъ Титъ, но не учитъ она меня

и тому, продолжалъ онъ съ холодностїю, чтобъ искать знакомства съ такимъ великимъ желанїемъ, и я не вижу, чтобы прекрасная и учоная женщина было нѣчто толь рѣдкое, чего бы съ такою ревностїю искать надлежало; можетъ быть привычка, что я всякой день такихъ видалъ въ Римѣ, производитъ во мнѣ сїе равнодушїе, но ты одолжилъ бы меня, любезной Гизиппъ, естьли бы свободилъ меня отъ знакомства съ Софронїею. Римскїя женщины, отвѣчалъ Гизиппъ, много обязаны будутъ тебѣ за то, что ты толь мало любопытствуешь знать нашихъ Гречанокъ; однакожъ во ожиданїи благодарности, ихъ согласись со мною ѣхать къ Аристипповой дочери. Я обѣщалъ тебя привести, и не могу слова своего перемѣнить безъ обиды отцу и дочери, сверьхъ того увѣренъ, что и Публїй Фулвїй тебѣ не проститъ того, естьли ты Аристиппу тѣмъ досадишь.

Титъ не зналъ что отвѣчать, и отказать въ томъ чего многiе тщетно искали, показалось ему подлинно весьма не пристойно, чего ради склонился на представленiя своего друга; однакожъ досада его тѣмъ не уменьшилась; весь день топъ проводилъ онъ въ безпокойствѣ и неудовольствiи, и во всю ночь видѣлъ печальные сны. Будучи весьма разуменъ, старался онъ всѣ предвѣщанiя преодолѣть, почитая ихъ за неприличную Римлянину слабость, и на конецъ принялъ намѣренiе показаться Софронiи, такъ чтобъ какъ отечеству такъ и другу его было не постыдно. Въ семъ намѣренiи засталъ его Гизиппъ, когда заѣхалъ взять его съ собою къ Аристиппу, усмотря при томъ съ удовольствiемъ, что онъ не обычайное ему попеченiе употребилъ въ нарядѣ, которой показывалъ, что онъ понравиться хочетъ. О семъ шутилъ онъ съ нимъ прiятнымъ образомъ,

а молодой Римлянимъ отвѣчалъ ему такъ, что внутренния движенія его тѣмъ не открывались. Поѣхали оба къ Аристиппу, которой принявъ ихъ дружелюбно говорилъ, я возбужу во многихъ зависть, и не знаю какъ оправдится Софронія предъ Аѳинскимъ юношествомъ, здѣлавъ вамъ такое преимущество.

Оба друзья отвѣтствовали на сіе привѣтствіе съ обыкновенною имъ пріятностію, послѣ чего Аристиппъ сѣлъ съ ними въ коляску, и поѣхали вмѣстѣ къ Софроніиной пустынѣ. Сія красавица, зная заранѣе о пріѣздѣ ихъ, приготовила все къ ихъ принятію. Дорогою Гизиппъ былъ чрезвычайно веселъ, а Титъ принуждалъ себя, чтобъ не показаться печальнымъ. Аристиппъ, которой ѣдучи въ свой увеселительной домъ, оставилъ свою Философію, подавалъ имъ многія матеріи, къ показанію ихъ разума, и путешествіе

ствїе ихъ было весьма прїятно. На конецъ приѣхали они , и красота дома подала симъ двумъ друзьямъ первой случай къ изъявленїю ихъ радости , оба старались выхвалять оной какъ по прекрасному его положенїю , такъ и по хорошему Аристиппову выбору.

Титовы и Гизипповы похвалы еще не окончались , какъ прекрасная Софронїя отца своего встрѣтить вышла , и со всѣми прїятностями своими глазамъ ихъ представилась. Приѣжжїе вышли изъ коляски , Аристиппъ шолъ въ срединѣ обѣихъ друзей , которые увидя Софронїю , тотчасъ говорить перестали , и при зракѣ толикихъ прелестей отъ изумленїя остановились. Гизиппъ , которой не воображалъ себѣ того , что увидѣлъ , былъ тѣмъ пораженъ ; а Титъ представляя ея себѣ подлиннѣе , а по тому и опаснѣе , предвидя опасности , коимъ сердце его

при семъ свиданіи могло подвержено быть, и вспомня его предвѣщанія, такъ былъ тѣмъ тронутъ, что ни одного сло́ва выговорить не могъ. И такъ каждой изъ нихъ будучи упражненъ во внутреннихъ своихъ движеніяхъ, не примѣчалъ поступокъ другова. Софронія была столь прозорлива что усмотрѣла дѣйствіе своей красоты; закраснѣлась отъ того, и безпокойство ея умножило бы еще больше смущеніе Аристипповыхъ учениковъ, естьли бы сей Философъ начавъ прежде ихъ говорить, всѣхъ трехъ отъ того не избавилъ. Титъ и Гизиппъ сказалъ онъ усмѣхаясь, конечно чувствительнѣе при зракѣ прекраснаго дома, нежели хорошей женщины, по тому что увидя первой не устали выхвалять его пріятности, а въ присутствіи другой тотчасъ замолчали.

Легко слова̀ найти можно, говорилъ Титъ, выхвалять дѣло рукъ

человѣческихъ, но чемъ изобразить можно то удивленїе, которое творенїе божїе въ насъ вликаетъ? Правда, сказалъ къ тому Гизиппъ, принявъ прежней свой веселой видъ, что о садахъ и зданїяхъ легко мысли свои изъяснить можно, по тому что принужденно хвалить ихъ нѣтъ нужды. Но когда предстоящее глазамъ нашимъ обожить должно, то думаю я что должное почтенїе гораздо лучше изъяснить можно подобсстрастнымъ молчанїемъ, нежели наипрекраснѣйшими словами. Сїи съ обѣихъ сторонъ учтивыя ласкательства казались Софронїѣ не непрїятны; она отвѣчала на нихъ съ кротостїю, однако съ такимъ остроумїемъ, и съ такою прїятностїю, что тѣмъ обѣихъ друзей совершенно себѣ поработила. Аристиппъ, которой только смотрѣлъ на свою природную дочь, и которому ничто такъ прїятно не было, какъ слышать должныя ей похвалы, не терпѣливо желая,

свой-

свойства съ Гизиппомъ, многими возраженіями и вопросами продолжалъ сей разговоръ.

Молодой Грекъ, безъ всякаго сопротивленія предавшись любви, отвѣчалъ ему какъ остроумной и влюбившейся человѣкъ, и такъ открылъ страсть свою, что и отецъ и дочь не безъ причины познали, что онъ щастія своего въ ихъ союзѣ искать не преминетъ. Но чемъ больше радости въ Философѣ возбуждали сіи мысли, тѣмъ больше отчаянія производили они въ Титѣ. Любовь и его столько же не пощадила, какъ и Гизиппа, и съ начала жизни его никакая страсть не была въ немъ сильна, какъ сія, которую при первомъ Софроніиномъ взорѣ онъ почувствовалъ.

Въ сей страсти почувствовалъ онъ въ одну минуту все то, что долговременная любовь въ нѣжныхъ люби-

любителяхъ возбудить можетъ; страхъ и ревнивость одолѣли сердцемъ его, и хотя Гизиппъ не явно открылъ любовь свою, однакожъ почелъ его за соперника, какъ скоро онъ слово сказалъ.

Сїе познанїе ввергло его въ жесточайшую печаль; но онъ такъ умѣлъ скрыть свои движенїя, что ни Аристиппъ, ни Гизиппъ оныхъ усмотрѣть не могли. Софронїя, не знавъ, что сей прiѣздъ былъ отъ ея отца вольности ея поставленная сѣть, и видя, что Греку онъ отмѣнную показываетъ дружбу, старалась съ тѣмъ только, чтобъ угодить отцу своему, и сама показывать ему ласку, а тѣмъ каждой мигъ его любовь, а Титову печаль умножала. По семъ ввелъ Аристиппъ гостей своихъ въ великолѣпную залу, въ которой всѣ сѣли, и разговоръ сталъ порядочнѣе, которой Аристиппъ желая представить ученикамъ всѣ заразы

разы дочери своей обратилъ на высокія матеріи, и самые трудные вопросы.

Прекрасная Софронія показала при семъ случаѣ вдругъ и точность своихъ разсужденій, и великое ученіе и пріятность краснорѣчія; но когда она тѣмъ приобрѣла похвалу обѣихъ друзей, то не меньше и они заслуживали ея удивленіе; разумныя ихъ рѣшенія, умѣренность въ утвержденіи разныхъ мнѣній, почтеніе, которое они другъ другу во время споровъ своихъ показывали, ни мало не преступая при томъ предѣловъ учтивости, угодность, которую они уступая въ спорахъ, другъ другу дѣлали. Хотя часто между собою были не согласны, и скромность, которую они въ наибольшемъ жару споровъ своихъ сохраняли, представляли ей въ нихъ чрезвычайныхъ и всякаго почтенія достойныхъ особъ. Равенство

ихъ достоинствъ, удерживало ея здѣлать между ими различїе, сердце ея не преклонялось ни на ту, ни на другую сторону: оба были они любезны, оба учены, оба добродѣтельны и остроумны, обѣимъ безъ предпочтенїя приписывала она достойную похвалу, и къ обѣимъ равную чувствовала дружбу. Правда, что Титъ по постоянному и нѣжному нраву, которой соглашался съ нравомъ ея, былъ бы сей прїятнѣе, естьли бы выборъ отъ нея зависѣлъ; но не чая, чтобъ они къ ней для выбору прїѣхали, была къ обѣимъ равно ласкова.

Два друга имѣя при семъ случаѣ равныя склонности, почувствовали и равную къ ней любовь; и разрушенїемъ покоя ихъ, здѣлался день сей достопамятнымъ. Гизиппъ по смѣлому и вспыльчивому своему нраву не могъ преодолѣть себя, чтобъ не показать нѣкоторыхъ искръ

возгарающаго въ немъ пламени. Аристиппъ усмотрѣлъ то съ радостїю, и вниманїе, съ которымъ онъ взиралъ на сїю раждающуюся любовь, не допускало его примѣтить Титовой, которому тѣмъ легче оную отъ него скрывать было можно. Но влюбленной Римлянинъ, по собственной страсти своей проникнувъ въ страсть друга своего, и не сомнѣваяся какъ о любви его, такъ и о томъ, чтобъ Аристиппъ Аѳинскаго гражданина не предпочелъ Римлянину, заклялъ себя съ сей минуты къ вѣчному молчанїю, твердо намѣрясь прежде умереть, нежели Гизиппу въ любви его хотя мало воспрепятствовать.

Молодой Грекъ, думая на противъ того, что Титъ предопредѣленъ для Римлянки, и безъ особливаго повелѣнїя отца своего ни въ какой бракъ не вступитъ, не чаялъ, чтобъ Аристиппова дочь, могла въ

немъ

немъ что ни будь возбудить, кромѣ удивленія, а сія мысль въ немъ такъ утвердилась, что всегда обращался къ нему, когда противъ какого ни будь поступка, или слова Софроніина ему вниманіе подать хотѣлъ. Влюбленной Гизиппъ желалъ бы, чтобъ сей день никогда не кончился. Часъ отъѣзда его безпокоилъ, и одна только съ Софроніею разлука удобна была въ семъ мѣстѣ произвести ему неудовольствіе. Напротивъ того Титъ, коего любовь каждую минуту умножалась, и ждалъ сего часа съ нетерпѣливостію, и естьли бы не удерживало его то почтеніе, которое онъ къ Аристиппу имѣть былъ долженъ, то возвратился бы онъ безъ него въ Аѳины. На конецъ, какъ ужѐ сей Философъ, и прелестная дочь его для угощенія сихъ двухъ друзей все то истощили, что хорошей вкусъ, благопріятство и великолѣпіе изобрѣсти могутъ, и ночь настала,

то сѣлъ онъ съ Гизиппомъ и Титомъ опять въ свою коляску, и при Софроніи ихъ просилъ, чтобъ они и безъ него къ ней толь часто ѣздили, какъ имъ угодно; ибо сія красавица для благопристойности всегда имѣла при себѣ довольно женщинъ, и для предохраненія добродѣтели своей, никакой больше предосторожности не требовала. Софронія къ словамъ отца своего ничего не сказала, но почтительное молчаніе ея довольно имъ дало знать, что ей пріѣздъ ихъ будетъ пріятенъ. Гизиппъ намѣрился тотчасъ пользоваться симъ позволеніемъ; а нещастной Титъ терзаемъ любовію и дружбою воздыхалъ, что тогоже предпріять не могъ.

Простясь такимъ образомъ съ Софроніею, поѣхали они опять въ Аѳины, и оба друзья пріѣхали домой со всѣмъ съ иными мыслями, нежели изъ онаго выѣхали. А какъ Ари-

Аристиппъ Гизиппу ничего не далъ знать, желая напередъ вѣдать мнѣнїе дочери своей, то дорогою отвращалъ тѣ похвалы и благодаренїя, которыя ученики его какъ о рѣдкихъ качествахъ Софронїиныхъ, такъ и за хорошее угощенїе ихъ ему воздавать старались, и обратилъ искусствомъ своимъ разговоръ на общїя, слѣдственно не важныя матерїи; при чемъ погруженный въ мысляхъ своихъ Титъ далъ волю Гизиппу разговаривать съ Аристиппомъ, и весьма мало говорилъ, пока коляска у двора ихъ остановилась.

Аристиипъ, простясь съ учениками своими, поѣхалъ домой весьма доволенъ тѣмъ приемомъ, которой дочь его Гизиппу здѣлала, и ласкался, что она намѣренїю его, въ избранїи ей его супругомъ, противитися не будетъ. Напротивъ того, оба друзья, какъ скоро получили свободу безъ принужденїя скрыть свои

мысли, то упоенный любовїю своею Гизиппъ воззрѣвъ на Тита, такимъ взоромъ, которой открывалъ внутренность сердца его, ему сказалъ: какъ кажется тебѣ, дражайшїй Титъ, естьли что совершеннѣе Софронїи, и жалѣешь ли ты, что узналъ такую несравненную дѣвицу? Какїя прїятности, продолжалъ онъ не дождавъ Титова отвѣта, какїя прїятности! Я пораженъ ими, и чувствую, что безъ нея жить не могу. Признаюсь, любезный другъ, что наисильнѣйшая любовь овладѣла сердцемъ моимъ, и чтобы я умеръ, естьли бы опасаться имѣлъ причину, что Аристиппъ зятемъ меня принять стречется.

Не будетъ нужды тебѣ умирать, отвѣчалъ Титъ; Аристиппъ и Софронїя столько имѣютъ прозорливости, что конечно познаютъ Гизипповы достоинства. Титъ выговорилъ сїи слова такимъ премѣннымъ

голо-

голосомъ, и съ такимъ печальнымъ лицемъ, что Гизиппъ, не смотря на страсть свою, то примѣтилъ.

Что тебѣ здѣлалось, любезный Титъ? спросилъ у него, ты мнѣ весьма смутнымъ кажешся. Титъ будучи не въ состоянїи продолжать сей разговоръ, взялъ случай его пресѣчь: я не очень здоровъ, отвѣчалъ ему, и во весь день не знаю что былъ не веселъ. Прїятныя твои упражненїя не допускали тебя то примѣтить, но я чаю, что Аристиппъ и Софронїя не очень мною были довольны. Позволь мнѣ итти спать, можетъ быть нѣсколько покою облегчитъ болѣзнь мою.

Сїи слова напомнили молодому Греку, что Титъ подлинно во весь день былъ смушенъ, и выговоръ его очень ему чувствителенъ. Дражайшїй Титъ, говорилъ онъ его обнявъ, припиши небреженїе мое тѣмъ новымъ движенїямъ, которыя я въ сей день почувствсвалъ: но сколь ни

сильны они, ни мало однакожъ не уменьшали совершенной моей къ тебѣ дружбы; свидѣтельствуюсь богами, что мнѣ Титъ столько милъ, какъ Софронія, и что мнѣ не возможно быть щастливымъ, естьли бы дружба одного не соединялась съ любовію другой. Поди, любезной другъ, старайся сномъ возстановить твое здоровье, которое мнѣ въ тысячу разъ драгоцѣннѣе моей жизни. Искренній римлянинъ отвѣтствовалъ на сіе только вздохами, коихъ удержать не могъ; а Гизиппъ молчаніемъ утверденъ во мнѣніи о его болѣзни, проводилъ его, и пошелъ по томъ къ себѣ, дабы имѣть удовольствіе въ совершенной свободѣ думать о Софроніи, хотя не могъ учинить того съ чаемымъ увеселеніемъ, ибо дружба его къ Титу прерывала удовольствіе сіе беспокойствомъ, и наприятнѣйшія воображенія, коими любовь ему ласкала, смѣшивала съ нѣкоторою горестію.

Въ тоже самое время нещастной Титъ платилъ весьма дорого за отъемлемой покой у своего друга. Сей молодой Римлянинъ, стараясь добродѣтелїю преодолѣть любовь свою, и будучи толь вѣрной другъ, сколь нѣжной любитель, препроводилъ ночь въ наижесточайшемъ смятенїи. Софронїя представляясь мыслямъ его со всѣми своими прїятностями, старалась увѣрить его, что онъ можетъ требовать взаимной любви ея, и что не не возможно ему оную получить, по тому что онъ столько же молодъ, столько богатъ, столь благороденъ, какъ и Гизиппъ; но едва выслушалъ онъ сїю надежду: то Гизиппъ представясь ему, укарялъ его въ его невѣрности; тотчасъ вспомнилъ онъ обѣщанную другъ другу дружбу, воспоминалъ тотъ стыдъ, которымъ такая невѣрность его покроетъ, а о томъ и мысль одна ужѐ въ трепетъ его вводила. Между

тѣмъ не погасала любовь его, и тѣмъ временемъ какъ Гизиппъ торжествовалъ надъ Софронїею, мучилъ Тита образъ ея немилосердо. Нѣтъ вскричалъ онъ, прекрасная и опасная Софронїя, не скажетъ никто, чтобъ ты Тита здѣлала Гизипповымъ врагомъ; Гизиппъ прежде открылся, такъ мнѣ должно молчать: естьли бы я не зналъ о любви его, и не открылъ бы онъ мнѣ своихъ намѣренїй, то безъ сомнѣнїя покорился бы я твоимъ прелестямъ; но по откровенїи его увы! чего желать мнѣ уже остается невозбранно, и не былъ ли бы я наинедостойнѣйшїй человѣкъ, естьли бы покусился воспрепятствовать его благополучїю?

Сїе разсужденїе, которое честь и дружба всѣми доводами утвердили, первенствовало долгое время въ умѣ его; но любовь такъ уже овладѣла его сердцемъ, что онъ сильнѣйше нѣчто къ истребленїю

ея

ея употребить былъ долженъ. Между тѣмъ видя, что не можетъ преодолѣть дружбу, а дружба не можетъ побѣдить любви, сказалъ: изрядно, нещастныя движенія моего се́рдца, я противъ воли моей васъ соглашу, стану любить Софронію, и пребуду Гизиппу вѣрнымъ, ста́ну снѣдающее меня пламя скрывать въ молчаніи, и любезной мой Гизиппъ никогда не свѣдаетъ, что жестокая судба меня здѣлала его соперникомъ.

Препроводя всю ночь въ сихъ разныхъ мысляхъ, увидѣлъ онъ наконецъ день въ семъ послѣднемъ намѣреніи; онъ не перемѣнилъ онаго, но еще твердо предпріялъ съ крайнимъ стараніемъ удаляться Софроніи, надѣясь, что отсутствіе легко утушитъ въ одинъ мигъ возгорѣвшееся пламя. Чая такимъ образомъ утвержденнымъ быть въ своемъ намѣреніи, старался

сколь возможно заснуть, но чрез мѣру сильное движенїе мыслей, такъ утомило тѣло его, что вмѣсто сна впалъ онъ въ жестокую лихорадку.

Гизиппъ, то любовїю своею, то боязнїю о Титовой болѣзни во всю ночь промучась, всталъ на развѣтѣ, и пошелъ къ своему другу, гдѣ отъ служителя его свѣдалъ, что онъ очень боленъ. Сїя вѣсть такъ его тронула, что забылъ на то время и Аристиппа и Софронїю, а лишенїемъ Тита почитая себя всего лишенным, подошелъ къ постелѣ его въ наижалостнѣйшемъ состоянїи. Титъ то усмотрѣлъ, и сїе свидѣтельство его дружбы утвердило его въ принятомъ намѣренїи. Любезной Гизиппъ, сказалъ ему, не печалься, естьли хочешь скоро меня здороваго видѣть; одно только безпокойство твое можетъ умножить болѣзнь мою или прогнать; и такъ предайся всему тому, что

тебя

тебя веселить можетъ. Ищи прїятныхъ упражненїй, поѣжжай къ Софронїи, и положи на меня попеченїе о моемъ выздоровленїи.

Ахъ дражайшїй Титъ! отвѣчалъ Гизиппъ, усмотря въ глазахъ его боязливое безпокойство, любовь моя къ Софронїи, никогда не приведетъ въ забвенїе мнѣ того, чѣмъ дружбѣ твоей я долженъ; и чувствую, что она боязнїю о лишенїи твоемъ уменьшается; безъ тебя не могу я ничего любить; нѣтъ удовольствїя мнѣ въ снисканїи взаймной любви, естьли ты свидѣтелемъ старанїй моихъ не будешь: всѣ веселости, радость, надежда, и сама любовь, однимъ словомъ, все исчезаетъ, когда тебя нѣтъ со мною.

Титъ, котораго сїя нѣжная рѣчь чувствительно тронула, вздохнулъ съ печали, что такому совершенному другу любовїю своею жертвовать

не

не въ силахъ; а въ сихъ изъявленiяхъ дружбы его, нашедъ новыя силы, къ совершенiю вѣчнаго молчанiя, утвердился въ своемъ намѣренiи, чтобъ прежде умереть, нежели воспрепятствовать благополучiю своего друга; а я, отвѣчалъ ему, не могу никогда быть щастливъ, естьли тебя подлинно щастливымъ не увижу; жизнь была бы мнѣ не сносна, естьли бы ты для меня упустилъ то, что на вѣки тебя благополучнымъ здѣлать можетъ. Естьли ты любишь Аристиппову дочь, то поди, дражайшiй Гизиппъ, поди представь ей свое сердце, которое ея столь достойно, и вѣрь, что я не буду прежде спокоенъ, пока не свѣдаю, что ты получилъ взаимную любовь ея.

Гизиппъ просилъ, чтобъ онъ еще ему съ нимъ побыть позволилъ, но Титъ такъ непремѣнно желалъ уединенiя, что онъ принужденъ былъ

его

его оставить, а будучи въ истинну влюбленъ въ Софронїю, пошелъ тотчасъ къ Аристиппу, котораго засталъ убирающщаго въ домѣ своемъ свободную и отъ прочихъ отдѣленную комнату для Софронїи, сказывая ему, что она тогоже дня будетъ въ Аѳины. Сїя вѣсть произвела въ Гизиппѣ удивленїе и радость, ибо чрезъ то получилъ онъ надежду, удовольствїе дѣлать какъ дружбѣ, такъ и любви своей. Однако не смѣлъ еще такъ скоро изъясниться, а только спросилъ у Аристиппа: долго ли прекрасная Софронїя у него проживетъ, и какъ согласилась она оставить свою пустыню?

Особливой разговоръ, отвѣчалъ онъ, которой я вчера съ нею имѣлъ въ то время, какъ вы разсматривали мои картины, склонилъ ея къ сему повиновенїю; я хочу, чтобъ она впредь жила въ Аѳинахъ, и поле-

полевыми веселостями пользовалась бы только въ удобныя къ тому времена. Гизиппъ не упустилъ похвалить сїе намѣренїе, и оное утвердить сильными доводами, коихъ причину прозорливой Аристиппъ тотчасъ провидѣлъ; а дабы въ томъ еще болѣе увѣриться, и тѣмъ больше познать внутренность ученика своего, то сказалъ ему съ печальнымъ лицомъ, что онъ понынѣ опасаясь дочь свою у себя въ домѣ показывать толь многимъ ученикамъ, принужденъ былъ держать ея въ деревнѣ; однакожъ нынѣ сыскалъ средство всѣхъ удовольствовать, ибо впредь намѣренъ онъ учениковъ своихъ учить только въ публичныхъ училищахъ, а въ домѣ у себя никого имѣть не будетъ.

Гизиппъ сими словами, какъ громомъ пораженный, премѣнился въ лицѣ, и не возмогши преодолѣть своихъ первыхъ движенїй, вскричалъ,

чалъ: такъ я не увижу ужѐ прекрасную Софронію! Сіи противъ воли его выговоренныя слова̀ утвердили Аристиппа въ его чаяніи, и усмотря Гизиппа отъ смятенія о томъ, что вымолвилъ больше, нежели хотѣлъ, въ глубокомъ молчаніи, сказалъ ему съ пріятнымъ и веселымъ лицомъ: Гизиппъ! развѣ не научила тебя Философія побѣждать твои страсти, умѣрять желанія твои и на всѣ случаи въ жизни приготовляться?

Нѣтъ, Государь мой, отвѣчалъ онъ закраснѣвшись, все сіе Философія произвела въ моемъ умѣ; но къ нещастію въ сердцѣ моемъ еще ничего. Изрядно, отвѣчалъ Аристиппъ, такъ я прикажу Софроніи, чтобъ она тебя довела до совершенства. Сіи короткія слова̀ оживотворили опять Гизиппа, благодарилъ за то Философу и оба другъ другу довольно открыли свои мнѣнія, хотя еще совершенно мыслей своихъ не объявили.

Но тѣмъ временемъ, какъ Гизиппъ ласкался надеждою, а Титъ тщетно старался преодолѣть любовь свою, и мысленная болѣзнь его умножала болѣзнь тѣлесную опаснѣйшими припадками; прекрасная Софронїя готовясь оставить деревенскую жизнь не меньше была беспокойна. Одну только минуту говорила она съ отцомъ своимъ, а въ сїю минуту онъ ей отечески приказалъ прiѣхать на другой день въ Аѳины, выхваляя при томъ прекрасныя Гизипповы дарованїя. Но какъ она Аристипповымъ отъѣздомъ получила свободу размышлять о томъ, что въ томъ день происходило, то казалось ей, что онъ весьма скоро протекъ, и что сїи двое друзья все ея понынѣ чувствуемое удовольствїе увезли съ собою.

По томъ испытала себя наиприлѣжнѣйше, повторяла въ памяти своей отъ Аристиппа въ пользу

Гизиппу

Гизиппу сказанныя слова̀, и разсматривая, не сей ли молодой Аѳинянинъ отнялъ ея спокойство, познала съ великою радостїю, что одно только хорошее объ немъ мнѣнїе дѣлаетъ ея противъ его чувствительною. По томъ остановилась мыслями своими надъ Титомъ, находила въ немъ тѣже дарованїя и тѣже прїятности; но какъ скоро хотѣла отъ него отвратить свои мысли, то почувствовала въ томъ нѣкоторую трудность. Тщетно старалась ужѐ думать о Гизиппѣ; одинъ Титъ только воображался въ умѣ ея и сравнивъ противъ воли своей его красоту, нравъ и разговоръ съ Гизипповыми, нашла въ нихъ такую разность, которая принудила ея и неравную имъ похвалу приписать, и не чувствительно влекла ея къ молодому Римлянину. Она была столь учена, что тотчасъ познала опасность такого скораго рѣшенїя, и разсуждая, что отецъ ея не безъ

намѣренїя говорилъ ей о Гизиппѣ, твердо воспротивилась тайнымъ своимъ движенїемъ къ Титу ея влекущимъ, дабы имѣть свободу, безъ супротивленїя послѣдовать волѣ отца, котораго и любила она и боялась.

Для сего представила себѣ, что ей все равно будетъ, котораго изъ двухъ ни получитъ себѣ мужемъ, надѣясь какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ равно быть щасливою, по тому что и они не смотря на толь противныя между собою склонности, другъ друга однакожъ любятъ и въ совершенномъ живутъ согласїи; что не оспоримо доказываетъ праводушїе ихъ и чистосердечїе. По что же прилѣпляться мнѣ помыслила въ себѣ, къ такому покою моему вредному предразсужденїю? естьли отъ отца моего Титъ избранъ владѣтелемъ моего сердца, то его больше я и любить буду; а естьли онъ избралъ Гизиппа, то

передъ

передъ Титомъ онъ и преимущество получитъ. Сїе было послѣднее намѣренїе сей прекрасной и разумной дѣвицы, которая всѣми силами Философїи старалась преодолѣвать свои склонности и всѣ прочїе предметы отъ мыслей своихъ отгоняла, дабы только должности и разуму во всемъ повиноваться. Съ симъ намѣренїемъ прїѣхала въ Аѳины въ вечерꙋ того дня, въ которой Гизиппъ тайность сердца своего Аристиппу нѣкоторымъ образомъ открылъ. Сей влюбленной Грекъ едва оставилъ Софронїина отца, то побѣжалъ къ Титу освѣдомиться о его состоянїи и объявить ему новую причину своей надежды. Титъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, лихорадка его миновалась, но смертельная печаль послѣдовала за нею, и Гизиппъ, вошедъ по обыкновенїю своему не сказавшись, нашелъ его сидящаго въ слезахъ и въ наижесточайшей горести.

Сей зракъ его поразилъ, подошелъ къ нему, и просилъ неотступно, чтобъ онъ открылъ ему причину толь жалостнаго состоянія. Титъ досадуя, что застали его въ такой слабости, старался всѣми образы прикрыть подлинную тоску свою; жестокая лихорадка, послѣдовавшее ей безсиліе, чтеніе нѣкоторыхъ жалкихъ приключеній были причинами, въ коихъ онъ подлинную скрыть хотѣлъ; но Гизиппъ усмотря по лицу его, что онъ говоритъ неправду, старался и прозьбами и ласкательствами узнать истинну. Однакожъ Титъ пребывалъ непоколебимъ, и такъ его увѣрилъ, что тѣ только причины въ такое состояніе его ввели, что Гизиппъ больше его не принуждалъ, но премѣнивъ разговоръ, увѣдомилъ его о Софроніиномъ пріѣздѣ, и о усмотренной къ себѣ склонности отца ея. Здѣсь то поразили нещастнаго Тита вдругъ тысячи нещастныхъ мыслей.

Со-

Софронїинъ прїѣздъ въ Аѳины разрушилъ всѣ его намѣренїя; не сомнѣвался онъ, что любовь его чрезъ вседневное съ нею обхожденїе, получитъ новую силу, и что Гизиппово благополучїе, при коемъ бы ему свидѣтелемъ быть надлежало, отъ отчаянїя ввергнетъ его во гробъ.

Однакожъ столько еще имѣлъ въ себѣ силы, чтобъ скрыть сїю новую печаль, и показывалъ себя столь здоровымъ, и столь веселымъ, что Гизиппъ удовольствїемъ его о своемъ благополучїи совершенно былъ увѣренъ. Влюбленной Грекъ обрадовавшись о его согласїи, которымъ онъ, казалось, похвалялъ любовь его, долго говорилъ ему о Софронїиныхъ прїятностяхъ, о чести любви ея, о щастїи своемъ во владѣнїи ею, и не примѣтя, что каждымъ словомъ дѣлаетъ въ сердце его новую рану, продолжилъ сей разговоръ до самой ужины. Ужинали они вмѣстѣ, и

присудствіе служителей присѣкло сей разговоръ. Титъ ѣлъ весьма мало, а говорилъ еще меньше; другъ его видя, что онъ для него себя принуждаетъ, и можетъ быть, требуетъ покоя, проводилъ его въ его спальну, и пошелъ по томъ въ свою, дабы по волѣ разсуждать, какимъ образомъ Аристиппу и Софроніи открыть любовь свою. Напротивъ того Титъ будучи въ сей день нещастливѣе прежняго, отпустилъ отъ себя людей своихъ, и со всѣмъ предался своему отчаянію. Странно кажется, что любовь въ сихъ двухъ друзьяхъ вдругъ толь сильно вкоренилась; но не удивительно покажется, когда разсмотримъ непреоборимую власть красоты съ разумомъ соединенной, и что любовная стрѣла тѣмъ вѣрнѣе пронзаетъ, чѣмъ меньше кто находится въ состояніи ей противиться. Когда Гизиппъ и Титъ ѣхали къ Софроніи, то думали они только увидѣть

дѣть преужасной домъ, и слышать учоную дѣвицу. Присутствїемъ ея скоро забыли они то, за чемъ приѣхали; ученїе и любопытство изчезли, одни только прелести представились глазамъ ихъ! Сердца̀ ихъ тѣмъ вдругъ стали поражены и побѣждены; удивленїе дало любви потребное время вкрасться въ сердце ихъ, а какъ скоро услышали разговоръ сей безпримѣрной дѣвицы, то зажженной огнь въ нихъ совершенно возгорѣлся. Титова любовь съ са́мой той минунуты была въ высочайшемъ степени, хотя и безъ надежды, по тому что съ са́маго нача́ла узналъ онъ Гизипповы движенїя, коихъ онъ по вспыльчивому своему темпераменту отъ него скрыть не могъ; желанїе уступить сему другу толь любезную особу, усугубило его пламя, а старанїя, которыя онъ къ утушенїю его употреблялъ, умножили силу его.

Въ такомъ печальномъ состоянiи не могла добродѣтель его ничего инако здѣлать, какъ заклясть себя къ вѣчному молчанiю, удалиться отъ Софронiи, и въ благополучiи друга своего, искать своего исцѣленiя: но сколь ослабѣла сiя добродѣтель, когда онъ свѣдалъ, что Софронiя въ одномъ городѣ съ нимъ жить будетъ, что онъ всякой день ея либо у Аристиппа, или въ капищахъ видѣть долженъ, и что наконецъ не смотря на всѣ свои намѣренiя, находится въ опасности, видѣть соперника своего подлинно щастливымъ. Сiи послѣднiя мысли его безпокоили, что онъ во всю ночь уснуть не могъ; и хотя дружба его къ Гизиппу была непоколебима, однакожъ любовь и отчаянiе не меньше имъ овладѣли.

При сей нерѣшимости не находилъ онъ инаго средства для окончанiя сего печальнаго приключенiя, какъ возвратиться въ Римъ, и Аристип-

стиппа, Софронію и Гизиппа вѣчно оставить; но какъ отецъ его назначилъ время, сколько пробыть ему въ Аѳинахъ, и онъ боялся его прогнѣвать, естьли безъ позволенія его поѣдетъ: то намѣрился къ нему писать, что вредной здоровью его въ Аѳинахъ воздухъ, принуждаетъ его просить о своемъ возвращеніи. Сей мысли онъ былъ весьма радъ, и не смотря на противурѣчіе любви и дружбы, намѣрился на другой день оную исполнить.

Гизиппъ напротивъ того упражнялся только въ пріятной надеждѣ получить Софронію; а Софронія, которую Аристиппъ, зная совершенную драгоцѣнность дарованнаго ему небомъ сокровища, отечески принялъ, не чувствовала инаго беспокойства, какъ только бы всегда повелѣвать своими желаніями, и повиноваться волѣ отца своего. Оную она скоро узнала, ибо

тогоже дня, какъ она въ Аѳины пріѣхала, Аристиппъ отвелъ ея особо, посадилъ возлѣ себя, и смотря на нея съ отеческою милостію, говорилъ: Софронія, я признаваю тебя столь добродѣтельною, и столь разумною, что не могу инако, какъ чистосердечно съ тобою говорить. Щастіе, любезная дочь моя, продолжалъ онъ, которое рѣдко достойнымъ послѣдуетъ, не было и ко мнѣ столь благосклонно, чтобъ я достойнаго жениха тебѣ сыскать могъ. Понынѣ Философія меня въ томъ утѣшала, и я почиталъ себя довольно богатымъ, будучи отцомъ такой дочери, которую небо, что къ совершенству потребно, всемъ наградило; но теперь, когда старость мнѣ о концѣ моемъ напоминаетъ, думаю я весьма инако: чѣмъ больше въ тебѣ совершенствъ, тѣмъ больше боюся я оставить тебя въ бѣдности; мнѣ кажется, что должность моя противъ боговъ такъ

какъ и искренняя отеческая любовь противъ тебя, того требуютъ, чтобъ я промыслилъ тебѣ такой бракъ, которой бы и благодарность мою доказать небу, и твою толь чистыми склонностьми наполненную добродѣтель наградить могъ. Я чаю не ошибусь, естьли Гизиппа изберу тебѣ мужемъ: доставшееся ему послѣ отца его наслѣдство дѣлаетъ его знатнѣйшимъ во всей республикѣ, и къ наибольшему щастїю усмотрѣлъ я, что твоя красота плѣнила его сердце; онъ молодъ, пригожъ, наполненъ разума и добродѣтели, и я ласкаю себя, что ты не попротивишься сему союзу, естьли я велю тебѣ дать ему руку.

Софронїя не долго размышляла, но обнадежила Аристиппа своимъ послушанїемъ, не слушая сокровенныхъ движенїй своего сердца: два дни только прошло, какъ начала̀ я знать Гизиппа, отвѣчала она, но

естьли

естьли вы его достойнымъ почитаете быть вашимъ зятемъ, то сихъ двухъ дней для меня уже довольно. Сердце мое повинуется вашимъ повелѣнїямъ, и всегда свои движенїя по вашимъ располагать будетъ; я не сама себѣ дала жизнь, но симъ даромъ, по богахъ обязана вамъ, такъ и при семъ случаѣ ни мало я на себя смотрѣть не должна. А какъ я благодарности моей не могу вамъ инако принести, какъ жертвуя моею жизнїю, которая и безъ того вамъ, какъ источнику ея принадлежитъ, то, поступайте со мною какъ вы заблаго разсудите. Я стáну Гизиппа любить, когда вы приказываете, и буду противъ его равнодушна, естьли онъ отъ васъ за не недостойна признанъ будетъ.

Сїя чрезвычайная добродѣтель привела Аристиппа въ удивленїе; онъ обнялъ дочь свою и увѣрялъ ея, чтобъ онъ никогда не помыслилъ о

семъ

семъ бракѣ, естьли бы не чаялъ ея чрезъ то здѣлать щастливою; потомъ сказавъ ей, какимъ образомъ онъ сїе дѣло съ Гизиппомъ начать хочетъ, просилъ, чтобъ она всегда принимала его ласково, и сїе показывала бы ему особливымъ почтенїемъ къ Титу. Симъ только почти средствомъ, говорилъ онъ, можно его плѣнить; никогда не видалъ я такой дружбы, какая у Гизиппа съ Титомъ; кто хочетъ обязать одного, надобно любить другова, и я чаю, что не многова потребую отъ твоего послушанїя, когда тебѣ его какъ брата любить совѣтую. Я признаюсь тебѣ, что естьли бы онъ былъ Аѳинянинъ и такую же бы склонность къ тебѣ имѣлъ, какъ Гизиппъ, то предпочелъ бы я его всѣмъ мущинамъ на свѣтѣ. Сїя рѣчь была Софронїину послушанїю наижесточайшїй опытъ, ибо она напомнила ей о такомъ человѣкѣ, котораго она вѣчно изъ памяти своей изгнать хо-

хотѢла; на сїе отвѢтствовала она не такЪ скоро, какЪ прежде, боясь обѢщаться любить Тита, чтобЪ не полюбить его чрезЪ мѢру.

О ГизиппѢ она ничего не размышляла, будучи увѢрена о его склонности, обѢщала все, не боясь неудачи; но вЪ разсужденїи Тита, находилась вЪ недоумѢнїи, страшилась вступить вЪ новой союзЪ, кЪ которому сердце ея ужѐ толь склонно было. ОднакожЪ укрѢпилась на конецЪ, и обѢщала всѢмЪ повелѢнїямЪ отца своего безпрекословно повиноваться. Весьма довольный дочерїю своею АристиппЪ ожидалЪ сЪ нетерпѢливостїю Гизиппа, которой столько же былЪ нетерпѢливЪ, какЪ и онЪ; но дружба его кЪ Титу не позволяла ему ничего начинать, не увѢдомивЪ его напередЪ о томЪ, для того пошелЪ кЪ нему, и нашедЪ его вЪ изрядномЪ состоянїи, просилЪ, чтобЪ онЪ сЪ нимЪ по-

шелЪ

шелъ къ Аристиппу. Влюбленной Римлянинъ, скрывая какъ тѣлесную такъ и душевную болѣзнь свою, дабы не обмануть своего друга, извинялся сколько возможно было, и такъ неотступно просилъ его оставить, что Гизиппъ не хотя его принудить, пошелъ къ Аристиппу одинъ. Сей Философъ принималъ его всегда равно, и отвелъ его самъ къ Софронїи въ комнату.

Сїя прекрасная дѣвица, увидя его, закраснѣлась, и почувствовавъ движенїя сéрдца своего, пришла въ несказанное смятенїе. Гизиппъ хотя ей нравился, но Титъ еще больше, и когда она принуждала себя, Гизиппа принять ласково, то глазами искала Тита, къ коему сердце ея стремилось. Между тѣмъ была весьма осторожна во всѣхъ своихъ поведенїяхъ, и показывала себя ни чрезъ мѣру суровою, ни чрезъ чуръ склонною; дала во всемъ

волю отцу своему; а Гизиппу показывала великую добродѣтель и разумъ. Аристиппъ желая, чтобъ она сего молодаго Грека совершенно плѣнила, оставилъ ихъ подъ видомъ нѣкоторыхъ дѣлъ, дабы тѣмъ больше имъ дать свободы, и какъ Софронїя всегда при себѣ имѣла добродѣтельную старуху, которая ея возрастила, то Аристиппъ обходился всегда просто съ тѣми, коимъ въ домѣ своемъ хорошей прїемъ показывать хотѣлъ.

Гизиппъ былъ столь влюбленъ, что не упустилъ воспользоваться сею толь полезною для него благосклонностїю. Сїе вторичное свиданїе совершенно его плѣнило, далъ волю глазамъ своимъ, и препровождалъ нѣмую рѣчь ихъ всѣмъ тѣмъ, что почтенїе сказать позволяетъ, а тѣмъ увѣрилъ Софронїю о совершенной ея побѣдѣ; при всемъ томъ казалась она ни страстнѣе, ни суровѣе,

и поступки ея показывали, что только Аристиппова воля сердцемъ ея управляла. Гизиппъ былъ радъ, что она никѣмъ другимъ не плѣнена, и не хотя, чтобъ Аристиппъ обѣщалъ ея кому другому, намѣрился въ тотъже день просить за себя Софронїю. Но многими дѣлами упражненный Философъ домой не возвращался; а Гизиппъ, приѣздомъ къ Софронїи нѣкоторыхъ Аѳинскихъ госпожъ будучи удержанъ отъ прїятныхъ съ нею разговоровъ, ушелъ отъ нихъ тихонько, и возвратился къ другу своему Титу. Но свѣдавъ отъ служителя его, что онъ пошелъ гулять на морской берегъ, намѣрился итти его искать.

Влюбленный Римлянинъ, будучи беспокойнѣе прежняго, и не зная что начать, пошелъ къ морю; тамъ разсуждалъ онъ о нещастной судьбѣ своей, и далъ свободное теченїе своей печали, какъ внезапной стукъ весь

ма скоро ѣдущей коляски исторгъ его изъ сей глубокой задумчивости. Любопытство, котораго онъ преодолѣть не могъ, понудило его взглянуть на сидящихъ въ ней особъ. Но сколь велико было изумленїе его, какъ онъ въ ней съ знатнѣйшими Аѳинскими госпожами, увидѣлъ Софронїю, которая казалась для уязвленїя его, всѣ стрѣлы любовныя собрала вмѣстѣ.

Первая мысль понуждала его удалиться, но любовь будучи сильняе добродѣтели его, устремя глаза̀ его на сей опасной предметъ, здѣлала его неподвижнымъ, пока коляска остановилась, и госпожи изъ оной стали выходить. По семъ забывъ всѣ свои намѣренїя, и не зная самъ что дѣлалъ, пошелъ ихъ принять, и какъ Софронїя вышла послѣ всѣхъ, то онъ отъ нея ужѐ не отходилъ, и напоялся по малу прїятнымъ ядомъ, заражающимъ

сердце

сердце его. Всѣ госпожи его знали, всѣ почитали его, и многія изъ нихъ желали бы его плѣнить; присутствіе его умножало то удовольствіе, коего они въ семъ гульбищѣ надѣялись; они шутили надъ нимъ, его уединеніемъ, и весьма любопытно спрашивали, для чего Гизиппъ не съ нимъ?

Желаніе понравиться, почти всѣмъ мущинамъ сродное, прогнало вдругъ всѣ печальныя воображенія, которыми умъ его былъ наполненъ; Софроніино присутствіе его ободрило и возвратило опять ему его прелестной нравъ, которой всѣхъ плѣнялъ, для того отвѣчалъ онъ на шутки сихъ госпожъ такъ же разумными шутками.

Беспокойная, постоянная и почти внѣ себя приведенная Софронія не знала, говорить ли ей, или молчать, и радоваться ли о сей встрѣ-

чѣ, или сожалѣть. Таксе же смятенїе, какое Тить ея увидя, почувствовалъ, объяло и ея, какъ онъ ей руку подалъ; она краснѣла и блѣднѣла и не могла ничего промолвить. Титъ то усмотрѣлъ, но какъ онъ ничего не толковалъ въ свою пользу, и ни въ какомъ случаѣ себя не ласкалъ, то приписывалъ сїи разныя движенїя ея досадѣ о томъ, что Гизиппа съ нимъ не было: однакожъ желая чѣмъ ни будь ей угодить, намѣрился говорить за своего соперника.

Компанїя разошлась, и госпожи другъ отъ друга отдѣлились, такъ что онъ почти принужденнымъ себя увидѣлъ, остаться при Софронїи и ея вести. Симъ случаемъ пользуясь онъ ей сказалъ: Естьли бы Гизиппъ, сударыня, могъ знать, что вы сюда приѣдете, то не утерпѣлъ бы онъ за вами слѣдовать, и хотя я о дружбѣ его увѣренъ, однако су-

сумнѣваюсь, чтобъ онъ въ семъ щастїи, которымъ я въ отсутствїи его пользуюсь, мнѣ не позавидовалъ.

Титъ выговорилъ сїи слова̀ съ такою страстїю, что Софронїя оную примѣтить принуждена была; сїе привело ея въ смятенїе, и не зная для чего считала себѣ за обиду, что Титъ почитаетъ ея въ состоянїи о комъ ни будь тужить. Щастїе, о которомъ вы говорите, государь мой, отвѣчала ему, такъ мало, что Гизиппъ, какъ человѣкъ разумной, оному завидовать не можетъ; и какъ вы, кажется, только одинъ для другова живите, то вашимъ удовольствїемъ столько же ему довольну быть должно, какъ бы оно ему самому случилось. Я съ моей стороны̀ чаю всегда видѣть Гизиппа, когда вижу Тита; и на Гизиппа никогда не взираю, не помышляя о Титѣ.

Ахъ! Государыня, отвѣчалъ любовїю своею влекомый Титъ, взирайте всегда на Гизиппа. Сїи противъ воли его выговоренныя слова̀ едва вылѣтели изъ устъ его, то онъ раскаялся; и увидя на лицѣ Софронїиномъ удивленїе съ беспокойствомъ смѣшенное, потупилъ глаза̀ свои, вздохнулъ и замолчалъ. Софронїя будучи не меньше его въ смятенїи, старалась что ни будь сыскать, чемъ бы сей разговоръ перервать могла, какъ къ щастїю обѣихъ ихъ компанїя опять сошлась вмѣстѣ. И такъ разговоръ сталъ общей, и Титъ любовїю своею въ бездну вверженный, будучи въ наибольшемъ безпокоиствїи, впалъ опять въ прежнюю свою задумчивость, и ужѐ ни въ чемъ ни малѣйшаго не принималъ участїя. Не меньше смутно было и Софронїино состоянїе, но какъ она прежде Тита укрѣпилась, то была рада, что пресѣкли случай быть съ нимъ одной, не давъ

ему знать ничего такого, изъ чего бы онъ заключить могъ, что она слова̀ его поняла. Между тѣмъ толь часто встрѣчались взоры ихъ, хотя они въ томъ весьма тщательно остерегались, что они весьма ясно изъ нихъ то познать могли, что тайно клялись никогда не сказывать.

Въ семъ взаимномъ принужденіи находились они, какъ Гизиппъ къ нимъ пріѣхалъ. Онъ намѣренъ будучи ѣхать на морской берегъ, удержанъ былъ отъ нѣкоторыхъ пріятелей, которые къ нему пришли, а избавясь отъ нихъ, послѣдовалъ своему намѣренію, и чрезвычайно обрадовался нашедъ все то вмѣстѣ, что ему на свѣтѣ всего миляе было. Подошелъ къ компаніи съ веселымъ лицемъ, изъявляющимъ великое его удовольствіе, и показавъ госпожамъ вообще должное почтеніе и учтивость, подошелъ къ Софроніи, а Титу далъ свободу раз-

разговариватъ съ другими. Сей нещастливой любовникъ, чая въ глазахъ прекрасной Софронїи видѣть нѣкоторой огонь, оставилъ мѣсто свое съ такою горестїю, что Гизиппъ оную изъ перемѣны лица̀ его усмотрѣлъ. Сїе уменьшило нѣсколько его веселость; а увидя и Софронїю гораздо суровѣе, нежели ея оставилъ, впалъ въ нѣкоторое неизвѣстное беспокойство; и хотя ея присутствїе ему весьма прїятно было, однакожъ не стерпимо желалъ быть съ Титомъ одинъ, дабы отъ него узнать о томъ, что его противъ воли беспокоило.

Не долго былъ онъ въ сей печали. Софронїя не возмогши долѣе терпѣть того принужденїя, которое себѣ во всѣхъ поступкахъ дѣлала, дала знать, что она устала, и для того сѣли опять въ коляску. Гизиппъ и Титъ сѣли въ свою, и поѣхали за ними. Доро́гою Гизиппъ

при-

пристально смотря на Тита, говорилъ: Софронія показалась мнѣ гораздо печальною: говорилъ ли ты съ нею, любезной Титъ? Упомянула ли она обо мнѣ, и показалъ ли ты мнѣ ту услугу, которую бы я тебѣ при такомъ случаѣ показать не преминулъ?

Софронія, отвѣчалъ онъ ему, такова̀ пріѣхала, какова̀ поѣхала; я очень мало съ нею говорилъ, но говорили все о тебѣ, и ты не можешь сомнѣваться, чтобъ разговоры наши не соотвѣтствовали твоимъ достоинствамъ. Титъ говорилъ такъ натурально, что Гизиппъ тѣмъ успокоился, и вѣря другу своему, перемѣнилъ сей разговоръ, и во всю дорóгу говорилъ ужѐ только о томъ, что онъ намѣренъ на Софроніи жениться. Титъ раскаяваясь о каждомъ словѣ, которое сказалъ Софроніи, не находилъ инаго средства наказать себя за̀ то, какъ только хвалить

выборъ своего друга, и побуждать его къ скорому окончанїю сего намѣренїя. При томъ здѣлалъ ему краснорѣчивое описанїе тѣхъ прїятностей, кои сей прекрасной союзъ ему обѣщаетъ, и хотя самъ себя увѣритъ, что они рождены другъ для друга, употребилъ для утвержденїя друга своего въ его намѣренїи такїя сильныя выраженїя, и такїе сильные доводы, что Гизиппъ, увѣрясь о его чистосердечїи, искренне его обнялъ и за оказанное согласїе въ любви его приносилъ благодаренїе. Въ сихъ разговорахъ приѣхали они къ Аристиппову дому, и проводя Софронїю до ея покоевъ, возвратились домой, гдѣ отужинавъ по обыкновенїю вмѣстѣ, пошли въ свои спальни каждой съ своими мыслями: Гизиппъ надеждою исполненный имѣлъ только прїятныя, а отчаянный Титъ ничего, кромѣ досады не чувствовалъ. Онъ былъ смертельно влюбленъ, мучимъ несноснымъ молчанїемъ, и

столь

столь честенъ, что щастїю друга своего воспрепятствовать не хотѣлъ, а по сему и сама смерть была ему въ тысячу разъ сноснѣе сего мучительнаго состоянїя. Всю ночь препроводилъ онъ въ безпрерывной мýкѣ, и въ тойже мýкѣ день его засталъ. На конецъ намѣрился уѣхать, и какъ можно скоряе оставить Грецїю, а для исполненїя того написалъ письмо къ Фулвїю.

Тѣмъ временемъ, какъ онъ въ сихъ беспокойствахъ упражнялся, Гизиппъ получилъ соизволенїе отъ матери своей Кризисы, которая по смерти Кремеса мужа своего жилà въ непрерывномъ уединенїи. Онъ пошелъ къ Аристиппу, и безъ всякихъ околичностей объявилъ любовь свою къ его дочери, прося его объ ней съ выраженїями толь страстнаго человѣка, которой все благополучїе свое въ семъ союзѣ полагаетъ.

Аристиппъ того желая, принялъ его весьма ласково, и безъ всякаго прекословія обѣщалъ ему дочь свою. Радости Гизипповой изъяснить не возможно, не возможно изобразить и благодарности его и желанія, съ которымъ онъ просилъ о совершеніи его благополучія. Аристиппъ на то согласился и для лучшаго увѣренія повелъ его самъ къ Софроніи, и представилъ ей его какъ жениха. Сія добродѣтельная дѣвица, которая во всю ночь противясь любовной склонности своей къ Титу, едва оную наконецъ преодолѣла, дала Гизиппу знать, что повелѣнія отца своего охотно исполняетъ. И хотя только кроткое послушаніе безъ малѣйшей радости о томъ ему показала, однако Гизиппъ почелъ себя наиблагополучнѣйшимъ человѣкомъ. Обрадованный будущею судбою дочери своей Аристиппъ, началъ къ скорому совершенію сего брака всѣ приготовленія дѣлать, а Гизиппъ не возмогши чрезмѣр-

мѣрной радости своей въ себѣ вмѣстить, побѣжалъ увѣдомить о томъ возлюбленнаго своего Тита. Сей печальной Римлянинъ писалъ тогда къ отцу своему о возвращенїи въ Римъ и Гизиппъ къ нему вошелъ, какъ только онъ писать пересталъ. Онъ не далъ времени ему запечатать сїе письмо, и не примѣтя того, что онъ дѣлалъ, обнялъ его и говорилъ: Порадуйся моему благополучїю, любезной Титъ; Аристиппъ обѣщалъ мнѣ прекрасную дочь свою, и черезъ три дни будетъ она моею женою. Титъ, не ожидая сей вѣсти, хотя однакожъ напередъ себя къ тому предуготовилъ, такъ пораженъ былъ сими словами, что въ тотъ мигъ забывъ себя, вскричалъ: Гизиппъ лишаетъ меня жизни! и съ сими словами упалъ безъ памяти.

Естьли бы Кремесовъ и Аристипповъ домъ подъ ногами сего любителя провалился, то не былъ бы

онъ

онъ тѣмъ столько устрашенъ, сколько устрашили его слова и состоянїе его друга; и то и другое открыли вдругъ ему глаза, и напомнили о многомъ, которое увѣрило его о истиннѣ и показало въ Титѣ ему соперника. Сїе поразило его смертельнымъ ударомъ; при всемъ томъ однакожъ не долго размышлялъ что начать, но напередъ о нужнѣйшемъ имѣлъ попеченїе, кликнулъ тотчасъ людей и ничего не упустилъ для приведенїя Тита опять въ чувство. Обморокъ его продолжался долго и Гизиппъ никогда чувствительнѣе сей не имѣлъ печали. По употребленномъ чрезъ пять часовъ старанїи и трудѣ, опомнился онъ на конецъ; радость послѣдовала слезамъ, но не надолго. Титъ впалъ въ наижесточайшую горячку, и безъ всякаго чувства положили его на постѣлю. Привели славнѣйшихъ докторовъ, и неутѣшный Гизиппъ, не допуская никого, и не

полагаясь ни на кого служить тѣмъ любезному другу, велѣлъ въ спальнѣ его поставить себѣ кровать, и клялся умереть съ нимъ вмѣстѣ, естьли онъ не выздоровѣетъ.

Весь домъ былъ въ наибольшемъ смятенiи, Тита въ немъ всѣ любили, и какъ служители, такъ и господинъ ихъ искреннiя объ немъ проливали слёзы. Гизиппова мать, услыша о опасности друга сына своего, пришла къ нему, и видя одного близъ смерти, а другова въ глубокой печали, отъ пролитiя многихъ слезъ здержаться не могла. Въ сихъ разныхъ движенiяхъ увидѣлъ Гизиппъ Титовы письма, и чая найти въ нихъ нѣчто важное, взялъ ихъ къ себѣ, съ тѣмъ чтобъ ему отдать ихъ, какъ скоро ему полегче будетъ. Во всю ночь никто не спалъ; движенiя его и бредъ продолжались до самаго дня; а какъ оные нѣсколько утихли, и доктора-

рамъ

рамъ время дали свойство болѣзни его распознать, то разсматривали они оную съ наибольшимъ прилѣжанїемъ, и разсудили, что причина оной происходитъ отъ неспокойныхъ мыслей; при чемъ сказали Гизиппу, что они не отвѣчаютъ за жизнь его, естьли не истребится его печаль, что болѣзнь его происходитъ отъ жестокой тоски, и что они не зная источника оной слабыя только противъ ея средства употребить могутъ? Сего довольно было побудить Гизиппа къ принятїю намѣренїя; онъ просилъ Кризисъ мать свою, чтобъ она возвратилась въ свои покои, выслалъ служителей вонъ, и оставилъ только тѣхъ, которые къ необходимому услуженїю были потребны. Просилъ, чтобъ докторы старались о болѣзни тѣлесной, а о душевной старанїе взялъ на себя, какъ скоро они друга его приведутъ въ память. Они начали о томъ трудиться, и обѣщали хорошей успѣхъ,

естьли отнятїемъ причины печали его, имъ вспомоществовано будетъ. Тѣмъ временемъ, какъ Докторы всю науку свою употребляли, Гизиппъ вымышлялъ средства, къ познанїю тайной причины болѣзни Титовой, и чая нѣкоторые слѣды оной найти въ его письмахъ, взялъ ихъ и развернулъ.

Написанное въ первомъ привело его въ страхъ и ужасъ. Я умру, писалъ сей отчаянной любитель; можетъ ли мнѣ жизнь мила быть для любви къ такой женщинѣ, которая бы могла склонить меня возненавидѣть Гизиппа? Ахъ! не надѣйся того, жестокая Софронїя: я никогда не престану Гизиппа любить. И такъ удалюсь; а понеже разлука и смерть для меня равны, то совершеннаго друга лишу чрезъ то ужаса, которой конечно его поразитъ, естьли онъ узнаетъ меня своимъ соперникомъ. Потомъ слѣ-

довали еще нѣкоторыя неоконченныя слова̀, которыя окончать, видно кто ни будь ему помѣшалъ; но и нача́ла сего ужѐ довольно было показать Гизиппу его нещастїе. Потомъ увидѣлъ онъ другое, которое Титъ безъ сомнѣнїя подъ сею надписью хотѣлъ отправить:

ПУБЛІЮ ФУЛЬВІЮ.

„Важныя причины, милостивой
„государь, принуждаютъ меня
„покорнѣйше просить васъ о воз-
„вращенiи моемъ въ Римъ. Боюсь
„Гизипповой дружбѣ здѣлать оби-
„ду, когда оставлю его прежде
„назначеннаго къ отъѣзду моему
„времени. Прошу въ повелѣнїи
„вашемъ включить такїя важныя
„нужды, кои бы всѣ способы ему
„пресѣкли меня удержать. Воз-
„вратите меня изъ Аѳинъ, есть-
„ли хотите меня жи́ва видѣть.

Ги-

Гизиппъ не хотѣлъ читать далѣе: сïе ужè довольно доказывало ему печальное состоянïе его друга, и сколь тяжко было ему скрыть любовь свою и сохранить дружбу. Симъ приключенïемъ и препятствïемъ благополучïю своему, весьма чувствительно тронутый, однакожъ великодушный Грекъ, размышлялъ нѣсколько времени, какимъ бы образомъ и свое щастïе и Титову жизнь удержать. Но зная нравъ его, и разсуждая, что любовь въ немъ ужè столько усилилась, что онъ ея, безъ потерянïя жизни своей, преодолѣть не можетъ, принялъ намѣренïе самимъ собою ему жертвовать. Безчестно казалось ему предпочесть женщину своему другу, и почелъ за долгъ, показать Титу истинной опытъ обѣщанной ему дружбы, когда какъ ему оную лишенïемъ жизни своей доказать хотѣлъ, будучи намѣренъ прежде умереть, нежели открыть любовь свою. Легко

сыскать такихъ красавицъ, говорилъ онъ, въ коихъ влюбиться можно; но лишенія истиннаго друга никогда наградить не льзя; сіе сокровище предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ. Титъ знаетъ истинное его достоинство, когда хочетъ прежде умереть, нежели престать быть моимъ другомъ. Не надлежитъ ли же и мнѣ быть столько же великодушну, каковъ онъ? И когда онъ въ доказательство мнѣ своей дружбы, умереть помышляетъ: то не долженъ ли я хотя одинъ день въ жизни моей употребить на увѣреніе его моею? Онъ умретъ, естьли не получитъ Софронію; а я чувствую, что могу ея ему уступить, безъ потерянія моей жизни, сей разности довольно, рѣшить сей споръ въ его пользу.

Гизиппъ еще долго разсуждалъ; и хотя любовь его вооружалась иногда противъ движеній дружбы: однакожъ

кожѣ оныя ея преодолѣли, и запальчивое его сложенїе, а притомъ и природное великодушїе тотчасъ склонили его къ такому намѣренїю, которое всѣ мысли его влекло только къ исполненїю онаго. Въ семъ твердомъ намѣренїи пошелъ онъ опять къ Титу, которой врачебными средствами опять приведенъ былъ въ память. Но горячка такъ усилилась, что и тѣ, которые къ нему подходили, жаръ ея чувствовать могли.

Онъ узналъ стоящаго предъ своею краватью Гизиппа, и видя его въ слезахъ, коихъ здержать онъ былъ не въ силахъ, сказалъ ему: возлюбленной Гизиппъ, я не достоинъ сей чрезмѣрной печали. Титъ такъ нещастливъ, что ты объ немъ жалѣть не долженъ. Искреннїй Грекъ, не могши снести толь несходныхъ съ движенїями своими словъ, наклонясь къ нему, и сжимая руку его, на ухо ему говорилъ: жесто-

кой другъ! ты предпочитаешь смерть Гизиппу: но скоро узнаешь, что Тита Гизиппъ выше жизни своей почитаетъ. По томъ обнимая его, просилъ въ слухъ, чтобъ онъ все для исцѣленія своего употреблялъ, а прочее оставилъ бы попеченію боговъ. По томъ отдавъ потребные приказы, пошелъ къ Аристиппу.

Онъ такъ перемѣнился въ лицѣ своемъ, что Аристиппъ отъ того ужаснулся, и спросилъ, что ему здѣлалось? Титъ умираетъ, отвѣчалъ онъ ему; и все для меня погибло, естьли я его лишусь. Аристиппъ любилъ Тита; онъ былъ такой ученикъ, которой ему честь дѣлалъ: не могъ вѣсть сію безъ жалости слышать; и зная чрезвычайную дружбу его съ Гизиппомъ, не сомнѣвался о чистосердечной его печали; показывалъ ему о томъ чувствительное свое сожалѣніе, и хотѣлъ Тита посѣтить. Гизиппъ того и желая,

немедленно съ нимъ къ нему пошелъ. Молодой Римлянинъ поблѣднѣлъ, ихъ увидя. Гизиппъ то усмотрѣлъ; но Аристиппъ никогда не воображая себѣ произшедшаго, подошелъ къ нему, и изъявлялъ печаль свою о его болѣзни наичувствительнѣйшими словами. Титъ отвѣчалъ ему тяжелыми вздохами, и подлинно показался ему быть въ опасности.

Онъ спросилъ у Докторовъ о причинѣ толь скорой и сильной болѣзни; и понеже имъ говорить не запрещено было; то не скрыли они отъ него своего мнѣнія, и увѣряли, что сія болѣзнь произошла отъ чрезмѣрной грусти, и великаго отчаянія. Изумленный Аристиппъ взглянулъ на Гизиппа, такъ какъ бы отъ него причину того узнать хотѣлъ. Гизиппъ познавъ мысль его, просилъ, чтобъ онъ съ нимъ вышелъ въ другую комнату. Вошедъ въ оную, Ги-

зиппъ ему сказалъ: это правда, государь мой: Титъ умираетъ отъ отчаянія, и любовь лишаетъ его жизни.

Любовь! вскричалъ Аристиппъ; какая же Римлянка, или Гречанка, любовь Титову не почла бы себѣ за щастіе?

Та, которую онъ любитъ, отвѣчалъ Гизиппъ, не знаетъ о любви его. Она Аѳинянка; назначена другому, а сей другой Титу другъ; и такъ не хотя нарушить своей дружбы, умираетъ онъ какъ нещастливѣйшій человѣкъ. Сіи слова̀ увеличили Аристиппово удивленіе: потупя глаза̀, онъ нѣсколько подумалъ; по томъ взглянувъ опять на Гизиппа, говорилъ: возможно ли чтобъ Софронія была нещастнымъ предметомъ Титовой любви?

Гизиппъ ему на сіе не отвѣчалъ, а только подалъ ему Титовы письма. Онъ читалъ ихъ нѣсколько разъ,

и

и казался быть о томъ въ крайнемъ недоумѣніи. Гизиппъ не хотя дать время ему долго разсуждать, палъ къ ногамъ его: ты видишь, государь мой, говоря ему, что Титова жизнь въ твоихъ рукахъ, и не его только одна, но и моя; не сомнѣвайся о томъ, что тотъ же ударъ, которой лишитъ его жизни, отнимется и мою; избавь обѣихъ насъ отъ конечной смерти; я жертвую ему моею любовію, отдаю тебѣ назадъ твое слово, и прошу за него о Софроніиной и твоей любви: мы всѣ трое при сей чрезвычайной перемѣнѣ не много потеряемъ.

Когда лишусь я прекрасной жены, то спасу тѣмъ истиннаго и неложнаго друга. Когда щастіе во мнѣ представляло тебѣ достойнаго зятя: то въ Титѣ представляетъ оно въ тысячу разъ достойнѣйшаго: природа его гораздо моей благороднѣе: его имѣніе моего знатнѣе;

 ду-

душевныя и тѣлесныя его качества превосходятъ всѣ дарованїя, кои я имѣю: онъ такъ же твой ученикъ, какъ и я; и естьли я еще сказать смѣю, то любовь его превосходитъ мою, по тому что онъ, теряя Софронїю, лишается жизни; а я еще жить могу, сколь ни горестно мнѣ ея уступить.

Аристиппъ такъ изумленъ былъ о всемъ слышанномъ, что долго отвѣтствовать не могъ; на конецъ въ крайнемъ удивленїи, вскричалъ: о небо! гдѣ такую дружбу сыскать можно! Титъ умираетъ, чтобъ не обмануть своего друга; а Гизиппъ отстаетъ отъ любви своей, чтобъ спасти жизнь Титову! О безпримѣрная дружба! продолжалъ онъ, почто не имѣю я двухъ дочерей! я почелъ бы себя наищастливѣйшимъ человѣкомъ, имѣя такое сокровище въ моемъ домѣ. Великодушной Гизиппъ, прекрати печаль свою: Софро-

фронїина судьба при обоихъ васъ будетъ щастлива. Естьли ея рука Титову жизнь спасти можетъ, не подвергая твою опасности: то позволяю я тебѣ ея обѣщать ему, и клянусь исполнить твое обѣщанїе. Послушанїе дочери моей увѣряетъ меня, что она не попротивится твоимъ великодушнымъ стаpанїямъ. Я предуготовлю ея къ сей мѣнѣ, а тебѣ оставляю попеченїе о Титовой жизни.

Сими словами отъ радости внѣ себя приведенный Гизиппъ, обнявъ Аристиппа, сказалъ, что онъ симъ соизволенїемъ возвращаетъ ему жизнь его. Симъ приключенїемъ въ истинну обрадованный, и о Титовой болѣзни крайне соболѣзнующїй Аристиппъ, прекратилъ сїи благодаренїя, принудя его итти опять къ больному. Оба подошли къ нему; но нашли его въ такой слабости, что не могли съ нимъ говорить; и Аристиппъ отошедъ отъ него, думалъ,

что

что намѣренїе его будетъ тщетное, и что смерть лишитъ Софронїю сего жениха, такъ какъ дружба лишила ея прежняго.

Гизиппъ остался у Тита, и ожидалъ, чтобъ болѣзнь его нѣсколько утишилась, дабы подать ему послѣднее къ исцѣленїю его средство; а Аристиппъ по возвращенїи, нашелъ у себя въ домѣ почти такую же печаль и у учениковъ своихъ: ибо и тамъ свѣдали о Титовомъ состоянїи, и всѣ его такъ любили, что каждой въ болѣзни его принималъ участїе. Софронїя такъ же какъ и прочїе о томъ узнала; и въ сокрытїи печали своей не имѣла столько твердости, сколько въ утаенїи склонности своей. Она плакала, и прекрасные глаза̀ ея наполнены были слезами, какъ отецъ къ ней вошелъ.

Его присутствїе отъ того ея не удержало, ибо разумнѣе казалось

ей

сей показать свою чувствительность, нежели принять не натуральное равнодушїе, которое бы притворство ея открыть могло. Она показала откровенно ему свою печаль о потерянїи человѣка такихъ достоинствъ, каковъ былъ Титъ. Я съ удовольствїемъ вижу ту склонность, говорилъ ей Аристиппъ, которую ты къ нему имѣешь; онъ еще живъ, и къ исцѣленїю его еще малая надежда осталась: но повѣришь ли ты, Софронїя, продолжалъ онъ, пристально на нея смотря, что все искусство Докторовъ тщетно, и что ты только съ помощїю боговъ его спасти можешь? Я, государь? отвѣчала она съ изумленїемъ. Да, дочь моя, ты, говорилъ Аристиппъ. Сей любезной Римлянинъ можетъ тою только рукою спасенъ быть, которая лишаетъ его жизни; ты причина его смерти, ты его и воскресить можешь. Сїя невразумительная рѣчь привела Софронїю въ такое состоя-

нїе,

нїе, котораго изъяснить не можно; смущенїе ея было такъ велико что она лишилась силъ своихъ; упала въ кресла, какъ человѣкъ въ крайней слабости находящейся, и смотрѣла на отца своего жалостными глазами. Я не понимаю васъ, государь, говорила ему; изъяснитесь, прошу васъ, естьли не хотите видѣть меня въ равномъ съ Титомъ состоянїи.

Аристиппъ, познавъ беспокойство изъ перемѣны лица ея, пересказалъ ей отъ слова до слова, что между имъ и Гизиппомъ происходило, и въ какое состоянїе Титова совѣстная дружба ввела обѣихъ сихъ друзей.

Прекрасная Софронїя укрѣпясь во время сего разговора, удивилась еще больше, услыша, что и Аристиппу сїя мѣна угодна; думала и то, что онъ сею хитростїю подлинную склонность ея узнать хочетъ: но видя въ глазахъ его только печаль

и чистосердечїе, отвѣчала: милостивой государь! другой показалось бы может быть странно, что ея безъ соизволенїя ея обѣщають и отказывають; но я привыкши къ послушанїю, какъ скоро вы прикажете, повинуюсь всему, что вамъ угодно; престану мыслить о Гизиппѣ, когда вы того желаете, и посвящу Титу сердце мое и вѣрность; но осмѣливаюсь васъ просить, чтобъ сей опытъ послушанїя моего былъ послѣдней, повѣрьте чемъ бы ни кончилась Титова судьба, то мнѣ всегда прїятнѣе будетъ называться женою того, которой лишаясь меня, умираетъ съ печали, нежели того, которой толь скоро отъ меня отказывается.

Аристиппъ, усмотря въ сихъ словахъ нѣкоторое самолюбїе, не хотѣлъ отвѣчать на нихъ, а только далъ ей клятву, что Титъ будетъ ея мужемъ, естьли выздоровѣетъ, и естьли ея сердце тому не противно.

Сїе обнадеживанїе здѣлало ея откровеннѣе, и принудило признаться, что Титъ конечно бы предпочтенъ былъ, естьлибы выборъ отъ нея зависѣлъ. Сїе признанїе такъ утвердило Аристиппа въ его намѣренїи, что только ожидалъ конца болѣзни сего кроткаго любителя, дабы объявить его своимъ зятемъ. Тѣмъ временемъ, какъ Софронїя и Аристиппъ, первая въ надежду чаемаго себѣ чрезъ сей союзъ щастїя, а другой покоя, о выздоровленїи его возсылали къ богамъ молитвы, Гизиппъ старался неотступно служить своему другу.

Весь день препроводилъ онъ между страха и надежды, и Докторы ничего добраго ему обѣщать не смѣли; но либо искусство ихъ сыскало усердство къ его спасенїю, или молодыя лѣта его перемогли болѣзнь: однако къ вечеру сталъ онъ гораздо спокойнѣе; жаръ уменьшился; а къ полу-

полуночи и со всѣмъ его оставилъ. По утру рано Доктора дали Гизиппу знать, что о выздоровленіи его имѣютъ надежду, естьли смертельная печаль его совершенно истребится. Гизиппъ обѣщалъ о томъ стараться, однакожъ нѣсколько дней ему не открывался, боясь, чтобъ чрезмѣрная радость того не свершила, чего печаль его произвести не могла. Между тѣмъ Аристиппъ всегда къ нему ходилъ, и говорилъ часто, что Софронія о здоровьѣ его спросить велѣла.

Титъ не хотѣлъ противиться употребляемому объ немъ старанію, хотя жизнь ему была и несносна. Слыша Софроніино имя, отвѣчалъ онъ, однакожъ всегда или вздохами, или такими словами, которыя безпокойство сердца его изъявляли, и какъ Гизиппа, такъ и Аристиппа утверждали въ ихъ мнѣніи, что болѣзнь его ничемъ, какъ только спокой-

ствомъ духа пресѣчена быть можетъ. Великодушный Грекъ, не хотя долѣе удерживать бывшее въ рукахъ его цѣлительное средство, и видя въ одинъ день его слабѣе обыкновеннаго, и что онъ, нѣкоторое лѣкарство принять упрямится, подошелъ къ нему, и приказавъ всѣмъ выйти вонъ говорилъ: Любезной Титъ, мы теперь одни, я могу тебѣ открыть мое сердце, и просить, чтобъ и ты отъ меня тайности своей не утаилъ. Я принужденъ тебѣ признаться, что справедливую причину имѣю на тебя жаловаться. Могу ли я повѣрить тому, дражайшій Титъ, продолжалъ онъ, не давъ время ему отвѣчать, чтобъ ты, зная, сколько я тебя люблю, хотѣлъ прежде умереть, нежели открыть мнѣ печаль свою? Чѣмъ заслужилъ я такое обо мнѣ сомнѣніе? Стараніе мое о твоей жизни тебѣ противно; сколько возможно, ты отрицаешся принимать то, чтобъ оную продолжить могло;

лице твое многократно премѣняется, когда я къ тебѣ подойду, ты отвращаешся отъ моихъ взоровъ; и чтобъ совершить печаль мою, то ищешь только средствъ, либо отъѣздомъ изъ Аѳинъ, или прекращенїемъ жизни своей со мною разлучиться. Я въ томъ увѣренъ, и не выведешь ты меня изъ сомнѣнїя, то причину тому хотѣлъ бы я знать отъ тебя самого; чистосердечное признанїе окончитъ и твои и мои мученїя. Естьли я въ чемъ предъ тобою преступилъ, то клянусь всѣми богами оное исправить. Скажи же, любезной Титъ, естьли молчанїемъ твоимъ меня увѣрить не хочешь, что ненависть въ сердцѣ твоемъ заняла мѣсто той дружбы, которой вѣчно продолжаться надлежало?

Титъ будучи увѣренъ сими словами, что Гизиппъ читалъ письмо его къ отцу, не думая однакожъ, чтобъ онъ зналъ о любви его, но

откровенность свою въ такомъ нѣжномъ пунктѣ почитая всегда измѣною противъ своего друга, намѣрился въ одномъ признаться, дабы тѣмъ удобнѣе другое скрыть. И такъ принявъ спокойной видъ, отвѣчалъ: неблагодарнѣйшїй человѣкъ былъ бы я на свѣтѣ, естьли бы о обѣщанной мнѣ отъ тебя искренней дружбѣ усумниться посмѣлъ: ни въ чемъ не виненъ ты, любезнѣйшїй Гизиппъ; и не праведная ненависть никогда въ сердце мое не входила, но паче умираю съ досады, что тебѣ доказать не могъ, сколь сильно тебя люблю. Я вижу, что ты нашелъ то письмо, которое я къ отцу моему писалъ, и изъ него почерпнулъ ты мнѣ и себѣ непристойное подозрѣнїе. Правда, что я хотѣлъ отсюда отъѣхать, но не могъ принудить себя сказать тебѣ о томъ, пока ты не женишся, ибо думая, что твоя женидьба условїе наше, чтобъ быть неразлучнымъ, раз-

разрушить; а однакожъ не въ состоянїи будучи тебѣ открыть оное, хотѣлъ просить отца моего, чтобъ онъ меня отсюда отозвалъ, а чрезъ то избавилъ бы насъ обѣихъ досады; тебя слышать, а меня сказать оное. Ахъ Титъ! сказалъ Гизиппъ ему съ жалкимъ взоромъ, которой недовѣренїе его показывалъ, не продолжай далѣе сего притворства, которое меня обижаетъ: ты довольно меня знаешь, и могъ бы увѣренъ быть, что женидьба моя не въ состоянїи премѣнить моей дружбы. Мы клялись, правда, быть вѣчными друзьями, но не обѣщались при томъ ни съ кѣмъ не соединятся; и какъ разность рода нашего, по тому что я Грекъ, а ты Римлянинъ, намъ и разныя жилища опредѣляетъ: то не могли обязаться мы и въ томъ, чтобъ быть не разлучнымъ. Хотя я люблю тебя не меньше самого себя, однако зналъ, что Римъ отлучитъ тебя

отъ моей дружбы; не меньше зналъ и ты, здѣлавшись моимъ другомъ, что мнѣ кромѣ Аѳинъ не позволено было индѣ искать моего щастія. И такъ конечно другія причины, которыя ты отъ меня скрываешь, принудили тебя къ сему намѣренію. Естьли мой бракъ съ Аристипповою дочерію тебя думать заставилъ, что я противъ тебя такимъ быть не могу, каковъ былъ прежде: то по что не открылъ ты мнѣ своихъ мыслей? Я вывелъ бы тебя изъ заблужденія, любезной Титъ, и помышлялъ бы прежде жертвовать тебѣ моею любовію, нежели хотя малое беспокойство тебѣ произвесть. Буде однакожъ сей бракъ тебя разстаться со мною принуждаетъ, и отъ сей разлуки ты привелъ себя въ сіе состояніе, въ которомъ теперь находишся: такъ ободрись опять, возлюбленной Титъ, и удостой меня прежней твоей повѣренности; будь при томъ увѣренъ, что я не женюсь

на

на Софроніи, и что какъ отецъ ея, такъ и я теперь инако мыслимъ.

О небо! что я слышу? вскричалъ Титъ. Такъ ты ужѐ не любишь Софронію? Аристиппъ не содержитъ своего сло́ва? Софронія противится твоему щастію, или соперникъ какой тебѣ препятствуетъ?

Титъ выговорилъ сіи послѣднія слова̀ съ такою запальчивостію, что Гизиппъ, хотя бы и не зналъ о любви его, однакожъ по ревнивымъ движеніямъ его, оную усмотрѣть могъ; и не хотя умножить его изумленія, но помалу приучить сердце его къ радости, отвративъ всѣ вредныя слѣдствія, продолжалъ такимъ голосомъ, какимъ началъ: Аристиппъ не перемѣняетъ своего сло́ва, говорилъ ему: дочь его мнѣ всегда мила: она безпрекословно повинуется своему отцу; но щастію моему противится такой соперникъ, кото-

раго удовольствію я противу стоять не могу. Я за него просилъ, я ему уступилъ ея, и ждемъ только его выздоровленія, чтобъ соединить ихъ на вѣки.

Ахъ жестокой другъ! вскричалъ Титъ; почто не сказалъ ты мнѣ прежде, что ты безъ опасности жизни своей, Софронію уступить можешь?

Неблагодарной Титъ, отвѣчалъ Гизиппъ, его обнявъ, кому кромѣ тебя уступилъ бы я ея, безъ опасности моей жизни? Кто кромѣ тебя не погибнувъ отъ руки моей, захотѣлъ бы разрушить мое щастіе? Кто другой заслужилъ бы такую жертву? Однимъ словомъ, кто кромѣ Тита достоинъ Софроніи? И такъ, не называй меня уже жестокимъ другомъ: ты только достоинъ сего званія, продолжалъ онъ, искренне его обнявъ, по тому что отъ меня скрывалъ любовь свою. Естьли бы и

ты

ты такъ чистосердеченъ былъ, какъ я, то истребилъ бы я любовь мою въ са́момъ началѣ; не узналъ бы неправеднаго твоего сомнѣнія, и твоя жизнь не была бы въ опасности.

Титъ, о всемъ, что слышалъ, находился въ такомъ чрезвычайномъ изумленіи, что ни въ состояніи былъ отвѣчать, нижѐ довольно имѣлъ силы воздавать Гизиппу за его изъявленія дружбы. Но какъ сей великодушной Грекъ вѣсть сію искусно сообщилъ, то имѣла она и вожделѣнное дѣйствіе. Молодой Римлянинъ, коего отчаяніе тѣлесной слабости уступить принуждено было, не могъ изъясниться ни изъявленіями радости, ни сильными движеніями. Сле́зы только показывали различныя его чувствія: ручьями текли они по лицу его; и сіе какъ при чрезмѣрной радости, такъ и при великой печали весьма потребное облегченіе, толь сильно подѣйствовало противъ

его болѣзни, въ которую безпрестанное принужденіе его ввергло, что какъ скоро слезы его и рыданія говорить ему позволили, такая перемѣна въ немъ видна стала, которая къ исцѣленію его совершенную подавала надежду. И подлинно началъ онъ говорить твердымъ голосомъ, и съ пріятнымъ лицомъ смотрѣлъ на Гизиппа.

Прости мнѣ, великодушной и любезной другъ, сказалъ; прости мнѣ первыя движенія, изумленіемъ и благодарностію во мнѣ произведенныя; но не думай, чтобы я дѣйствія дружбы твоей употребилъ въ мою пользу. Правда, что Софронія плѣнила мое сердце; старанія о преодолѣніи любви едва во гробъ меня не вложили: но чрезъ твое усердное попеченіе получая опять жизнь, не могу оную лучше заслужить, какъ уступя тебѣ то, что мнѣ ея пріятною дѣлаетъ. Я обо-

жаю

жаю Софронію; но благодарность и дружба приводятъ меня въ состояніе отъ нея отстать. Естьли бы мнѣ то и жизни стоило, то умру я лучше нещастнымъ любителемъ, нежели неблагодарнымъ другомъ.

Такія мысли достойны Тита, отвѣчалъ Гизиппъ съ холодностію: но они не премѣнятъ моихъ; силы твои мнѣ теперь извѣстны; я не стану ихъ подвергать такимъ жестокимъ опытамъ. Я далъ за тебя мое слово, и получилъ Аристиппово; Софронія знаетъ о любви твоей, соглашается за тебя итти, и я послалъ надежнаго человѣка въ Римъ къ Фулвію, обо всемъ его увѣдомить, и испросить его соизволенія; завтра онъ возвратится, и я увѣряю тебя предъ всѣми богами, что или я тебя увижу Софроніинымъ мужемъ, или ты меня увидишь мертва. Запальчивость, съ которою Гизиппъ сіи послѣдняя слова выговорилъ, дала

Титу довольно знать, что ужѐ поздо было преодолѣвать его въ великодушіи; а однакожъ и не могъ толь скоро согласиться. И такъ употреблялъ все, что разумъ, пріятность красноречія, и сила истинны ему подать могли, чтобъ привести его на другія мысли; и не возможно описать, какой искренней, жалкой и чрезвычайной споръ происходилъ между сими великодушными друзьями о уступкѣ такого сокровища, которое обѣимъ равно драгоцѣнно было, и за которое бы они охотно пренебрегли жизнь свою. Аристипъ вошелъ къ нимъ, какъ еще въ жару сего великодушнаго спора находились; присудствіемъ своимъ онъ его не прервалъ, но предпочитая добродѣтель собственной своей пользѣ, слушалъ долго, не вступая въ разговоръ ихъ, и наслаждаясь такимъ удовольствіемъ, которое радость и удивленіе въ немъ возбужало. Но видя на конецъ, что

ни

ни одинъ изъ нихъ не хочетъ признаться побѣжденнымъ, прервалъ свое молчанїе, и взявъ обоихъ ихъ за-руки говорилъ: естьли бы мнѣ изъ васъ надлежало выбирать себѣ зятя, то былъ бы я о томъ въ наибольшемъ недоумѣнїи; оба вы равныхъ достоинствъ; и не могъ бы я выбрать одного безъ обиды другаго, ниже обѣимъ отказать, не здѣлавъ самъ себѣ обиды. И такъ когда еще въ моей власти состоитъ выбрать того, которой больше влюбленъ: то даю я слово Титу, по тому что Гизиппъ мнѣ признался, что онъ безъ опасности жизни своей, отъ Софронїи отстать можетъ, а Титъ здѣлать того не въ состоянїи: живите жъ рѣдкїе и великодушные друзья, Титъ какъ Софронїинъ мужъ, Гизиппъ какъ братъ ея, а оба какъ Аристипповы возлюбленнѣйшїе дѣти.

Сїи слова окончали споръ; Гизиппъ казался тѣмъ доволенъ, и пока-

показалъ то изъявленіемъ благодарности своей Аристиппу: но влюбленой Титъ, коему по сіе время великая дружба его ложно воображала, будто онъ въ состояніи преодолѣть любовь свою, едва увидѣлъ судьбу свою утвержденною: то радость овладѣла всѣми его предпріятіями, и изображалась наияснѣйшими знаками, которые противъ воли его показывали, чтобы ему не возможно было безъ Софроніи жить. Сею истинною увѣренные Аристиппъ и Гизиппъ принуждены были оную умѣрить, пока во всемъ согласятся, а теперь бы онъ помышлялъ только о томъ, чтобъ привесть себя въ состояніе вѣнчать страсть свою. Такая пріятная надежда здѣлала въ одинъ день больше дѣйствія, нежели всѣ по нынѣ употребленныя лѣкарства; толь сильнымъ движеніямъ послѣдовавшій покойный сонъ, весьма скоро душевнымъ беспокойствомъ утомленному тѣлу возвра-

тилъ

тилъ прежнюю его силу. День отъ дня онъ укрѣплялся; а какъ Гизипповъ посланной Фулвїево соизволенїе къ Титову съ Софронїею браку привезъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ ея, какъ скоро благопристойность съ Аристиппомъ и Гизиппомъ разстаться позволитъ, съ собою въ Римъ взялъ: то помышлялъ онъ только о томъ, чтобъ скоряе увидѣть сїю любезную Гречанку: удовольствїе и попеченїе Гизипповы были толь дѣйствительны, что Титъ чрезъ нѣсколько дней, по полученїи соизволенїя отъ отца своего, въ состоянїе пришелъ выйти изъ двора.

Первой выходъ его былъ къ Аристиппу, куда Гизиппъ съ симъ не пошелъ, дабы не подвергнуть себя опять Софронїинымъ прелестямъ, и другу своему не подать подозрѣнїя. Аристиппъ представилъ Тита дочери своей, какъ жениха; и сей любитель смятенїемъ своимъ,

боя-

боязливвстїю и пылающимъ въ глазахъ его огнемъ, довольно показалъ ей разность своей и Гизипповой любви. Аристиппъ, которой съ сего приключенїя склонность сердца ея къ сему Римлянину изъ попечительнаго освѣдомленїя о его состоянїи познал, и не хотя ввести ея въ стыдъ признаться въ любви своей, просилъ шутя Тита, чтобъ онъ при семъ нѣжномъ случаѣ доволенъ былъ ея послушанїемъ, и не старался бы совершенно познать ея сердце, пока она не будетъ въ состоянїе приведена ему во всемъ признаться.

Сїи слова̀ имѣли въ себѣ нѣчто толь ласкательное для сего нѣжнаго любителя; и въ самое то время Софронїя взглянула на него столь прїятно, что онъ не безъ труда сохранилъ требуемую отъ него кротость.

Аристиппъ будучи не въ числѣ тѣхъ, кои великолѣпїе и избытокъ почи-

почитают предвѣстниками щастія новобрачных; но разсуждая, что Титово благополучіе состоит в скором совершеніи брака, свершил оной на другой день, без всяких обрядов. Гизипп не хотѣл Софронію прежде видѣть, пока она вѣчно не будет обязана Титу, сколько сей послѣдней с Аристиппом его ни просили, чтоб он перемѣнил свое намѣреніе. Но в день брака пошел он во храм, и был Титу вмѣсто отца и друга, по тому что сам привел к нему прекрасную Софронію. Сія красавица единственно ему одолжена будучи своим щастіем, не могла без изъявленія радости, его видѣть. По окончаніи церемоніи, Аристипп взял Гизиппа и новобрачных в свой дом; и тогда то показались любовь, дружба, удивленіе и откровенность в полном своем сіяніи.

Когда ужѐ сим четырем особам таиться не было нужды: то от-

открыли они другъ другу движенія своихъ сердецъ; и тогда то Титъ отъ самой Софроніи свѣдалъ о той склонности, которую она, въ первой разъ его увидя, къ нему почувствовала; а Гизиппъ тѣмъ довольнѣе былъ своимъ поступкомъ, когда узналъ, что въ противномъ случаѣ здѣлалъ бы онъ двухъ нещастливыми, которые на свѣтѣ ему всего милѣе были. Аристиппъ, Софронія и Титъ показывали ему за то благодарность свою наибольшею ласкою, которую онъ внутренне предпочиталъ всѣмъ пріятностямъ любви. Титъ пробылъ еще два мѣсяца въ Аѳинахъ, ибо не могъ намѣриться, разстаться съ Гизиппомъ и его матерію, которая весьма его почитала, и Софронію всей дружбы своей находила достойною. Въ семъ пріятномъ обществѣ Титъ почти забылъ о Римѣ, какъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца своего.

Сїя вѣдомость была ему весьма чувствительна; и хотя онъ остался въ наищастливѣйшемъ состоянїи, однакожъ безъ прекрасной своей супруги и любезнаго Гизиппа, не скоро бы о томъ утѣшился. Сїе лишенїе было ему тѣмъ чувствительнѣе, что необходимо принуждало его разстаться съ своимъ другомъ. Сїе разставанїе было наичувствительнѣйшее хотя Гизиппъ обѣщался прїѣхать къ нимъ въ Римъ. Титъ и Софронїя просили, чтобъ онъ не перемѣнилъ своего обѣщанїя. Добродѣтельная Кризисъ такъ же имѣла участїе въ проливаемыхъ при семъ разставанїи слезахъ; а мудрому Аристиппу вся Философїя его была потребна, чтобъ не показать при семъ случаѣ слабостей человѣческаго естества. На конецъ видя, что продолженїе намѣренїю ихъ только препятствуетъ, насильно вырвались другъ отъ друга, съ увѣренїями вѣчной дружбы, и разстались.

И такъ повезъ Титъ супругу свою въ Римъ; гдѣ чрезвычайная красста ея, и проницающїй разумъ, ей множество всякаго званїя любителей приобрѣтали. Но добродѣтель ея превосходила всѣ сїи дарованїя, и принудила ихъ прочїя движенїя сердецъ ихъ обратить въ удивленїе. Меценатъ и Агриппа ея почитали. Овидїй, не смѣя воздыхать объ ней, пѣлъ ея въ стихахъ своихъ; а Римскїя госпожи, не возмогши ничемъ оспорить ей первенство, принуждены были искать ея дружбы. Августъ Императоръ принялъ Тита, какъ сына такого человѣка, котораго онъ весьма любилъ: удостоилъ его тойже чести, какую имѣлъ отецъ его, и пожаловалъ ему его чины.

Прекрасная Фулвїя, сестра Титова, совершенно полюбила Софронїю: охотно уступила ей первенство въ Титовомъ домѣ; и неразрывную

къ ней возъимѣла дружбу. Можно сказать, что сему щастливому Римлянину ни въ чемъ недостатка не было, одного только не доставало Гизиппа. Онъ обстоятельно увѣдомилъ его о своемъ приѣздѣ, о показанной ему чести и о великолѣпіи, въ которомъ онъ по чрезмѣрному своему богатству, живетъ. И подлинно былъ онъ изъ наибогатѣйшихъ жителей Рима, и не рѣдко въ письмахъ своихъ давалъ ему пріятнымъ образомъ знать свою досаду, что и его щастіе столько же изобильно одарило, а тѣмъ его лишило удовольствія, раздѣлить съ нимъ свое богатство, между тѣмъ просилъ его однакожъ, чтобъ онъ хотя и не имѣетъ нужды, почиталъ сокровища его своими собственными, и распоряжалъ бы ими, какъ ему угодно.

Гизиппъ такъ увѣренъ былъ о Титовомъ чистосердечіи, что сіи

 дока-

доказательства дружбы его и великодушія, принималъ съ такою радостію, будто бы находился въ состояніи оными пользоваться, и отвѣтствовалъ ему всегда съ наибольшею искренностію. Такимъ образомъ прошло почти четыре мѣсяца. Сіи друзья не преставали другъ друга любить и письменно о томъ другъ друга увѣрять. Но какъ скоро Гизиппъ отвѣтствовать пересталъ, то и Софронія о Аристиппѣ никакого извѣстія получать не стала. Титъ и Софронія, чрезъ два мѣсяца не имѣя отъ нихъ писемъ, пришли на конецъ въ крайнее безпокойство и намѣрились ѣхать въ Аѳины, какъ отъ Кризисы, Гизипповой матери, пріѣхалъ нарочно посланной, и наигорестнѣйшее къ нимъ привезъ извѣстіе.

Титовъ съ Софроніею бракъ, тайно возбудилъ Аѳинянъ противъ Аристиппа, и преимущество, которое

рое онъ, казалось, давалъ Римлянину предъ Гизиппомъ, мнилось имъ быть безчестно. Пока они еще чаяли, что Софронїя достанется Греку: то скрывали свою ревность; но какъ скоро она стала Титовою женою, то зависть вышла наружу. Неблагодарной народъ искалъ съ того часа всѣхъ способовъ Аристиппа погубить, и отмстить Гизиппу, коего злодѣи поступокъ его почли за слабость и подлое угожденїе.

Но понеже ни противъ нравовъ ихъ, ни противъ должной отечеству вѣрности, ничего сказать не находили: то скрывали Аѳиняне ненависть свою до удобнаго случая. Сей случай весьма скоро сыскался къ Аристиппову нещастїю, которой въ твердыхъ мысляхъ о правости своей Философїи, противныя Греческой вѣрѣ мнѣнїя утверждать, и онымъ явно обучать началъ. Сего довольно было тѣмъ, которые его

погубить искали. Объявили его Еретикомъ; и понеже онъ только Философическимъ доказательствомъ своихъ мнѣній оправдаться хотѣлъ: то осудили его на смерть. Гизиппъ, наиревностнѣйшій изъ учениковъ его, отважился его защищать; и сіе чинилъ съ такою силою, что Аристиппа ненавидящіе судьи, боясь, чтобъ онъ подлость не склонилъ на свою сторону, запретили ему больше говорить. Сіе безчестіе казалось Гизиппу столь несноснымъ, что онъ, послѣдуя запальчивому своему сложенію, наиругательнѣйшія слова противъ Аѳинянъ употребилъ, которые, описавъ всѣ пожитки его, за то сослали въ ссылку, и всѣмъ гражданамъ подъ смертною казнію запретили его принимать, или хотя малѣйшее чинить вспоможеніе.

Не позволено ему было и зайти домой, проститься съ своею матерію. Нещастной Гизиппъ огорченъ болѣе

жесто-

жестокостїю своего отечества, нежели опечаленъ бѣднымъ своимъ состоянїемъ, тогожъ часа вышелъ изъ Аѳинъ; а печальнымъ симъ приключенїемъ пораженная Кризисъ, мать его, не находила инаго утѣшенїя, какъ чрезъ нарочно посланнаго увѣдомить обо всемъ Тита.

Легко себѣ представить можно, въ какое состоянїе Тита и Софронїю ввела сїя вѣдомость. Но между тѣмъ, какъ супруга его ихъ оплакивала, онъ помышлялъ только о томъ, чтобъ, какъ можно, привести судьбу друга своего въ лучшее состоянїе; а зная, сколь искренне любитъ и почитаетъ онъ мать свою: отправилъ присланнаго съ многими служителями къ ней обратно, и приказалъ имъ привести ея въ Римъ, и стараться, сколько можно, облегчать ей трудности путешествїя. Въ тотъ же день послалъ двухъ изъ

своихъ вѣрнѣйшихъ служителей въ разныя дороги, искать Гизиппа.

Сїи приказы исполнялись съ наибольшимъ раденїемъ, но съ лучшимъ успѣхомъ, въ разсужденїи Кризисы, нежели Гизиппа. Привезли къ нему мать сего нещастнаго: но посланные за сыномъ, чрезъ три мѣсяца возвратились назадъ, не получа объ немъ нималѣйшаго свѣдѣнїя. Титъ былъ о томъ въ истинномъ отчаянїи, и едино утѣшенїе находилъ только въ томъ, чтобъ Кризисѣ усладить горестную ея судьбину. Онъ поручилъ ей власть въ своемъ домѣ. Всѣ служили ей и повиновались, такъ какъ бы она его родная мать была. Фулвїя и Софронїя спомоществовали его великодушїю, и не пропускали ни одного дня, не показавъ ей наичувствительнѣйшихъ знаковъ своей искренности, такъ что почтенная Кризисъ всеминутно признавалась, что не чувствовала бы она нималѣйшей горести, естьли бы серд-

це

це ея только Гизиппа забыть могло, и что Титъ нашелъ средство, здѣлать ея въ старости вторично ма́терїю, возбудя въ сердцѣ ея такїя же движенїя, какїя натура въ нея къ родному сыну ея влїяла.

Между тѣмъ, какъ сїи четыре особы ни о чемъ, кромѣ Гизиппа не помышляли, и ни о чемъ кромѣ его не говорили: сей нещастной провождалъ бѣдственную жизнь свою въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ наиудобнѣйше оную скрыть могъ. Онъ помышлялъ хотя нѣсколько разъ итти къ Титу, надѣясь, что сей искреннїй другъ не допуститъ его ни до какого недостатка: но робость съ бѣдностїю всегда соединенная, такъ овладѣла умомъ его, что онъ при семъ опровержснїи своего щастїя, столько теперь боялся Тита, сколько въ другое время видѣть его желалъ. Какъ могу я, говорилъ, показаться Титу въ такомъ бѣдствен-

ственномъ состоянiи? похочетъ ли онъ узнать нещастнаго, изгнаннаго друга, не имѣющаго и необходимѣйшихъ вещей въ сей жизни? Какую честь принесетъ ему ссылочной человѣкъ безъ помощи и безъ покрова, коего дружбы болѣе убѣгать, нежели искать должно? Титъ воспитанный въ великолѣпiи, имѣющiй неисчетное богатство, и провождающiй жизнь свою въ изобилiи и роскоши, не устыдится ли, услыша Гизиппа при вратахъ дому своего вопiюща, что онъ тотъ другъ, которой, для сохраненiя жизни его, лишилъ себя того, что ему на свѣтѣ наилюбезнѣйшее было? Приличны ли такiя слова̀ устамъ нещастнаго? Чѣмъ бы любезное напоминанiе возбудиться могло? естьли бы я еще въ такомъ же благополучномъ состоянiи находился, въ какомъ онъ: то самое назовется въ теперешномъ бѣдствiи моемъ безстыдною укоризною. И еще по чему знать, таковъ

таковъ ли Титъ въ Римѣ, каковъ былъ въ Аѳинахъ? Нѣтъ, не подвергну себя новымъ ругательствамъ; и чтобъ не имѣть причины мнѣ противъ Тита перемѣниться, не стану искушать его добродѣтели. Воображенїе, которое я себѣ о немъ дѣлаю, питаетъ меня въ моемъ нещастїи: лучше буду думать, что единственно въ моей волѣ состоитъ, здѣлаться участникомъ его благоденствїя, нежели испытать тому противное, которое бы со стыда и печали меня во гробъ ввергло.

Въ такихъ размышленїяхъ Гизиппъ провождалъ дни свои, и съ симъ намѣренїемъ скрытно странствовалъ по Азїи, снося все бѣдствїе свое терпѣливно. Между тѣмъ натура многажды смущала духъ его. Престарѣлая, дряхлая, въ бѣдности находящаяся Кризисъ, непрестанно представлялась глазамъ его. Судьба сей любезной матери была

сердцу его толь жестокимъ зракомъ, что онъ преодолѣвалъ себя всегда, подобно такому человѣку, которой помощїю рукъ своихъ и съ наибольшимъ трудомъ избавляется отъ потопленїя, покрытъ мертвою блѣдностїю. На конецъ почти цѣлой годъ претерпѣвъ все то, что бѣдность наинесноснѣйшаго въ себѣ имѣетъ, изъ оставшагося еще животолюбїя обратилъ глаза̀ свои къ Риму; и при наибольшей нищетѣ своей, все представилось ему не такъ, какъ съ нача́ла нещастїя своего, онъ себѣ воображалъ. Чаялъ, что упрямымъ удаленїемъ своимъ весьма долго обижалъ Тита; и что онъ справедливую причину имѣетъ на него жаловаться, для чего въ крайней бѣдности своей къ нему не пришелъ. Естьли онъ меня еще любитъ, говорилъ, то не чего мнѣ бояться; а естьли перемѣнился, то отчаянїе о неблагодарности его, окончитъ жизнь, которая мнѣ и безъ

того

того не сносна. Съ симъ намѣренїемъ пошелъ онъ въ Римъ; и по неисчетнымъ трудностямъ, на конецъ въ него прибылъ, но въ такомъ жалостномъ состоянїи, что не могъ принудить себя показаться въ немъ въ Титовомъ домѣ. Въ семъ предпрїятїи утверждалъ онъ себя нѣсколько дней; а на конецъ утвердившись, становился въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Титу или въ судебное мѣсто, или къ Императору ѣхать надлежало: выходилъ нѣсколько разъ предъ него, такъ что ему необходимо видѣть его надлежало. Но Титъ отнюдь не воображая себѣ, чтобы то былъ возлюбленной его Гизиппъ, коего въ такомъ худомъ рубищѣ видитъ, проѣжжалъ всегда безъ наималѣйшаго примѣчанїя. Нещастнымъ все чувствительно: сїе равнодушїе почелъ Гизиппъ за презрѣнїе, думая, что Титъ конечно его узналъ; но по бѣдному состоянїю его, сердце его отъ него отвратилось.

Отъ сего впалъ онъ въ наиужаснѣйшее отчаяніе, и природная запальчивость его, которая всегда въ принятіи намѣреній дѣлала его поспѣшнымъ, соединясь съ жестокостію его судьбины, заставила проклинать его дни свои. И такъ пошелъ, не зная самъ куда, и шелъ во всю ночь съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ умереть: на конецъ увидя на дорогѣ развалившейся домъ, вошелъ въ него, чтобъ укрыться отъ мимоходящихъ. Но отошедъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ нѣчто лежащее на дорогѣ, которое итти ему препятствовало. Наклонился ощупать, что такое было, и нашелъ человѣческое тѣло безъ всякаго движенія, о которомъ по оставшейся теплотѣ, онъ разсудилъ, что сей человѣкъ еще живъ, или не давно умеръ.

А чтобъ подлиннѣе въ томъ увѣриться, и нѣкоторую помощь ему подать, ибо нещастіе не истре-

било жалости его сердца, вытащилъ его изъ сихъ развалинъ, и при ясности неба, усмотрѣлъ, что сей человѣкъ отъ многихъ ранъ не давно испустилъ свое дыханїе.

Сей зракъ, которой естественно не могъ ничего произвести, кромѣ ужаса, имѣлъ въ Гизипповомъ умѣ весьма иное дѣйствїе: ибо симъ приключенїемъ получа вождѣленный случай, дать отчаянїю своему свободное теченїе, благодарилъ богамъ, что они привели его на сїе мѣсто, и твердо вообразивъ себѣ, что не избѣжитъ смерти, естьли за убїйцу сего гораздо богато одѣтаго человѣка признанъ будетъ, вынулъ свою шпагу, и обагривъ ея кровїю умершаго, принялъ на себя видъ убїйцы, которой злодѣйствомъ своимъ пользоваться хочетъ, дабы ночной объѣздъ, которой симъ мѣстомъ поѣдетъ, его, какъ преступника, поймать могъ. Сїе нещастное пред-

пріятіе имѣло желаемой успѣхъ. Объѣздъ на разсвѣтѣ ѣхалъ мимо сихъ развалинъ, и увидя мертвое тѣло и человѣка, которой старается укрыться, взяли его, и тотчасъ отвели къ Префекту Варрону, шляхетному и славному Римлянину, которой тогда сей чинъ имѣлъ. Хотя Гизиппъ находился въ такомъ состояніи, которое больше сожалѣнія, нежели удивленія заслуживало; однако молодость его, благородной видъ и непремѣнное великодушіе, коего печальное состояніе истребить не могло, привели его въ размышленіе, по тому что онъ ничего злодѣйскаго въ немъ не находилъ. Когда я разсматриваю лице твое, говорилъ ему, то кажешся ты мнѣ не въ состояніи произвесть такое злодѣйство; но когда посмотрю на бѣдность твою, которую наружной видъ твой показываетъ, думаю, что сія бѣдность тебя къ тому привела: скажи мнѣ правду, что при-

нудило

нудило тебя къ такому злому дѣлу? Естьли бы я хотѣлъ жить, отвѣчалъ Гизиппъ, то употребилъ бы въ пользу себѣ хорошее твое обо мнѣ мнѣнїе, и старался бы оправдаться; но почитая смерть себѣ за благодѣянїе, ничего больше не скажу, какъ только, что я умертвилъ сего человѣка; а ты, когда меня въ самомъ дѣлѣ поймали, долженъ приговорить меня къ смерти. Сей неустрашимой отвѣтъ привелъВаррона и всѣхъ при томъ бывшихъ въ изумленїе: каждой былъ о томъ въ беспокойствїи, и Префектъ находился въ недоумѣнїи, какъ въ самое то время Титъ, ѣдучи мимо его двора, и увидя множество народа, спросилъ о причинѣ сего собранїя. Пересказали ему слова̀ сего злодѣя, которыя возбудили въ немъ любопытство, его видѣть: для того вошелъ онъ въ домъ, и подошелъ, сколь можно ближе, къ Префекту. Но каково было ему, какъ онъ

обратив любопытные взоры свои на мнимаго злодѣя, узнал в нем Гизиппа!

Бѣдное состоянїе его не позволяло сомнѣваться ему о его преступленїи: но время было весьма драгоцѣнно, и он не хотѣл тратить его в разсужденїях, виновен ли он был, или нѣт: но узнав в нем наилучшаго своего друга, намѣрился тотчас или его избавить, или сам наперед лишиться жизни. Постой, Префект, вскричал он, постой, не осуждай невиннаго. Я привел к тебѣ преступника: я в нынѣшнюю ночь умертвил сего человѣка, и умирающаго оставил его пред развалинами; сей незнакомой нималаго участїя не имѣет в сем дѣлѣ; я не знаю, каким случаем он найден при сем убитом; и не знаю, какая причина принуждает его признаваться в таком преступленїи, котораго он не

не учинилъ; знаю только, что я здѣлалъ сїе смертоубивство.

Едва Титъ говорить началъ, то Гизиппъ взглянувъ на него, узналъ и по лицу и по словамъ въ немъ прежняго своего друга: позналъ изъ поступка его непремѣнную его любовь къ себѣ, видя, что онъ для избавленїя его, вину его на себя приемлетъ, и чтобы онъ не попротивился его смерти, естьли бы узнать его не хотѣлъ. Сей великодушной поступокъ его тронулъ, и думая, что онъ подлинно учинилъ сїе смертоубивство, принялъ на себя видъ не такого преступника, которой отчаянїе свое окончать хочетъ, но такого человѣка, которой жизнь толь совершеннаго друга спасти старается. Въ толь важныхъ обстоятельствахъ не долго онъ размышлялъ: но не давъ Варрону времени отвѣтствовать, говорилъ громкимъ голосомъ: не вѣрь ему, Варронъ: сей

Римлянинъ имѣетъ тайныя причины такъ говорить, или можетъ быть жалость склоняетъ его взять на себя мое преступленіе. Однакожъ то правда, что онъ тому не причастенъ, и что при семъ чрезвычайномъ спорѣ все за меня и противъ меня доказываетъ: за меня, по тому что я имѣю причину говорить правду; а противъ меня, по тому что по сей правдѣ смертная казнь мнѣ слѣдуетъ. Одного меня нашли при мертвомъ тѣлѣ, и моя кровію его обагренная шпага не оставляетъ тебѣ нималѣйшаго больше сомнѣнія.

Она моя, пресѣкъ Титъ рѣчь его: я уронилъ ея при семъ убитомъ, и въ ночной темнотѣ сыскать ея не могъ. Ахъ! Титъ, вскричалъ Гизиппъ, уступи мнѣ честь спора. Жестокой Гизиппъ, отвѣчалъ Римлянинъ, или ты никогда не престанешь меня побѣждать? Во время сего чрезвычайнаго спора находился Варронъ

ронъ въ необычайномъ смущенiи; смотрѣлъ то на того, то на другаго, и слушалъ ихъ съ тѣмъ больщимъ удивленiемъ, что не могъ понять, для чего такой знатной человѣкъ, какъ Титъ, толь ревностно вступается лишенiемъ жизни своей доказать невинность такого бѣднаго, каковъ Гизиппъ. Въ то время находился въ семъ собранiи молодой человѣкъ, именемъ Публiй, которой многими роду своему безчестными дѣлами былъ извѣстенъ, и за честь себѣ ставилъ, быть въ числѣ негодныхъ и продерзливыхъ молодыхъ людей. Титовъ съ Гизиппомъ споръ его тронулъ. Великодушной сей примѣръ возбудилъ совѣсть его; онъ протѣснившись сталъ предъ Варрономъ. Я разрѣшу сей споръ, говорилъ; взгляни на сiю руку; [которая у него была обвязана]; она покажетъ тебѣ виновнаго между невинными. Ни Титъ, ни сей чужестранецъ не здѣлали сего смерто-

убивства. Я въ нынѣшнюю ночь въ пьянствѣ бился предъ развалинами съ другомъ моимъ Трифенїемъ: я его закололъ и втащилъ въ сїи развалины: сїя рука доказываетъ его супротивленїе; и какъ сей поединокъ для меня былъ безчестенъ, то никогда бы я тѣмъ не похвалился, естьлибы Титъ и сей чужестранецъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ толь упорно себя не обвиняли въ такомъ преступленїи, въ коемъ они нималѣйшаго участїя не имѣютъ.

Когда начало сего приключенїя Варрона привело въ удивленїе: то конецъ его еще больше умножалъ смущенїя его, видя трехъ преступниковъ, кои всѣ въ одной винѣ съ такимъ мужествомъ и съ такою твердостїю себя обвиняли, съ какою бы другїе невинность свою доказать старались, почелъ сїе дѣло весьма труднымъ, и не хотѣлъ рѣшить его по своей собственной прозорливости,

но велѣлъ всѣхъ трехъ мнимыхъ преступниковъ отвести предъ судъ, и все сїе приключенїе донесъ Императору. Августъ весьма почитая великодушныя дѣла̀, велѣлъ всѣхъ трехъ привести предъ себя, и взглянулъ на нихъ съ тою величественною милостїю, которая всѣхъ сердца̀ къ нему привлекала: Я не сомнѣваюсь, говорилъ имъ, что одинъ изъ васъ виноватъ; но признанїе ваше, въ кото́ромъ каждой изъ васъ беретъ вину на себя, чтобъ тѣмъ спасти другаго, имѣетъ въ себѣ нѣчто толь великое, что безчестно было бы кого ни будь изъ васъ осудить: и такъ обѣщаю я Трифенїеву убїйцѣ прощенїе, кто бы изъ васъ тѣмъ ни былъ; однакожъ въ благодарность за сїю милость, скажите мнѣ сїю чудную тайну. Говори, Титъ, открой мнѣ, для чего тебѣ жизнь твоя столь противна, что ты ея за сего бѣднаго человѣка отдать хочешь?

Всемилостивѣйшїй Государь, отвѣчалъ Титъ! сей, котораго вы бѣднымъ называете, скрываетъ въ сей гнусной одеждѣ истинныя сокровища человѣческїя, добродѣтель и науку. Онъ Кремесовъ сынъ, тотъ Аѳинянинъ, тотъ ученикъ нещастнаго Аристиппа, тотъ любезнѣйшїй мой другъ, однимъ словомъ, тотъ Гизиппъ, о которомъ я толь часто съ вами говаривалъ, котораго я повсюду искалъ, котораго годъ цѣлой ждалъ, и котораго почитаю драгоцѣннѣе всѣхъ моихъ сокровищъ, естьли прекратить нещастїе его въ состоянїи буду, по тому что отъ его руки я получилъ Софронїю, которою жизнь мою почитаю щастливою. Изъ сего великодушнѣйшїй Августъ довольно познаете тѣ причины, которыя принудили меня признаться въ такомъ преступленїи, въ коемъ я невиновенъ. Я почелъ его виннымъ, и думалъ, что непрїязненной рокъ его принудилъ

дилъ умертвить Трифенія; и смерть казалась мнѣ пріятною, естьли я тѣмъ Гизиппа спасти могу.

А ты, сказалъ по семъ Августъ Гизиппу, за тѣмъ ли пришелъ въ мое владѣніе, чтобъ искать себѣ смерти, будучи другъ Титу? или ты не зналъ, что Августъ во всякомъ состояніи добродѣтель награждаетъ? Отчаяніе меня ослѣпило, отвѣчалъ Гизиппъ. Изгнаніе и нищету сносилъ я безъ роптанія, но не могъ вообразить себѣ лишенія Титовой дружбы, не возненавидя жизни своей. Утомясь, для сокрытія безчестія моего и бѣдности, бродить изъ провинціи въ провинцію, изъ города въ городъ, намѣрился на конецъ итти въ Римъ, и узнать, не постыдится ли Титъ нищаго признать своимъ другомъ? Часто казался я глазамъ его: иногда у воротъ дому его просилъ милостыни, и видѣлъ, что онъ на меня обра-

обращалъ глаза̀ свои, но скоро опять ихъ отвращалъ, какъ отъ недостойнаго человѣка. Признаюсь, Всемилостивѣйшій Государь, я почелъ себя презрѣнна, и что онъ только притворяется, будто меня не знаетъ, дабы въ бѣдности моей помо́чь мнѣ не быть принужденну. И такъ шелъ я исполненъ ярости и печали, не зная самъ куда, до са́мой развалины; нашелъ на окровавленное Трифенїево тѣло, и почитая сей случай надежнымъ къ окончанїю моей жизни, объявилъ себя его убїйцею; и ужѐ чаялъ близокъ быть къ щастливому концу моего предпрїятїя, какъ великодушной Титъ объявленїемъ себя самаго, извлекъ меня изъ неправеднаго моего подозрѣнїя. Я чаялъ, что онъ говоритъ истинну, однакожъ поступокъ его былъ мнѣ тѣмъ не меньше милъ, и дружба его искренняя, что онъ, естьли бы и виноватъ былъ, могъ бы не признаться,

и

и меня оставить моему року. Радость и благодарность мною овладѣли: ужѐ не изъ отчаянїя желалъ я смерти, но чтобъ спасти тѣмъ моего друга. Между тѣмъ боги зжалились на мою бѣдность, и даровали мнѣ опять Тита непорочна и вѣрна. Ахъ несправедливой другъ! сказалъ Титъ, въ состоянїи ли Титъ ненавидѣть сына, которой матери въ домѣ своемъ даетъ совершенную власть, и съ нею все имѣнїе свое дѣлитъ? Что? Кризисъ въ Римѣ? пресѣкъ Гизиппъ рѣчь его. Кризисъ еще жива, и утѣшенїемъ своимъ обязана моему любезному Титу? При сихъ словахъ оба друзья другъ друга искренне обняли, и все собранїе съ ними пролило радостныя слѐзы.

Симъ рѣдкимъ согласїемъ удивленный Августъ, показывалъ о томъ свое благоволенїе, и публично сказалъ, что онъ сей день наилучшимъ

шимъ въ жизни своей почитаетъ, бывъ свидѣтелемъ въ немъ такой неслыханной дружбы и добродѣтели. Потомъ обратился къ Публію: Я подтверждаю твое прощенїе, сказалъ ему; ты заслужилъ оное тѣмъ, что признанїемъ своимъ вывелъ истинну изъ наибольшаго сомнѣнїя; соверши начатое, подражай симъ двумъ друзьямъ, обратись отъ заблужденїя, познай драгоцѣнность такого се́рдца, на которое положиться можно, сравни злость свою съ ихъ добродѣтелїю. Титъ и Гизиппъ почитали другъ друга виновнымъ, и хотѣли одинъ за другаго умереть; Трифенїй былъ тебѣ другъ, а ты его умертвилъ. Смотри, какая разность въ людяхъ, и въ какїя про́пасти ввергаетъ необузданная роскошь. Виноватой Публїй, будучи сими словами, и всѣмъ симъ приключенїемъ чувствительно тронутъ, палъ къ Императорскимъ стопамъ, и обѣщал-

ся

ся исправиться. Похвалами и честїю превознесенные друзья, отдавъ Императору должное благодаренїе, вышли изъ суда, при радостномъ восклицанїи всего народа.

Титъ отвезъ Гизиппа въ свой домъ, въ коемъ всѣ о семъ нечаянномъ приключенїи были въ несказанной радости. Софронїя приняла его какъ любезнаго брата; почтенная Кризисъ обнимала его какъ искренняя мать, которая ничего, кромѣ возвращенїя его, не желала; прелестная Фулвїя изъявляла чувствительность свою слезами, и великодушная жалость ея, умноживъ силу ея прїятностей, такъ уязвила Гизиппово сердце, что онъ почувствовалъ, что хотя могъ прежде уступить Софронїю, однако безъ Фулвїи жить не можетъ. Всѣ сїи движенїя примѣчающїй Титъ, усмотрѣлъ то съ великою радостїю, и желая какъ Грецїю, такъ и нещастїя его

при-

привести ему въ вѣчное забвенїе, женилъ его на сей прекрасной римлянкѣ, которая искреннею любовїю своею и добродѣтелїю, его и Тита признаться принудила, что первое щастїе въ сей жизни состоитъ въ снисканїи истиннаго друга, а другое въ сожитїи вѣрной супруги.

КОНЕЦЪ.